

18+

Валерий Черных

Правило волков

Валерий Черных
Правило волков

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Черных В.

Правило волков / В. Черных — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Кто правит нашей страной, кто устанавливает законы и контролирует их выполнение ? Продажность чиновников, их смычка с криминальными структурами и полное отрицание общечеловеческой морали. Депутаты, полиция, чиновники, криминальные авторитеты, рвущие на куски страну. Они идут к своей цели, устилая дорогу трупами и друзей и врагов. История человека, вынужденного стать преступником в силу определенных обстоятельств. Он вынужден бороться и со своими «коллегами» и с преступниками в погонах на самом высоком уровне. В его жизни присутствует и крепкая мужская дружба, и настоящая любовь. Он добирается почти до верха социальной лестницы, получив кресло депутата госдумы.

Валерий Черных

Правило волков

Часть первая

ДЕПУТАТ

*Предательство – как удар ниже пояса.
Всегда неожиданно и очень больно.*

За окном нудно шуршал частый мелкий дождь. Прижавшись лбом к стеклу, Сергей тупо пялился во двор. Стекло приятно холодило, прогоняя мутные остатки сна. Наконец, ощутив, что окончательно проснулся, он несколько раз глубоко вдохнул, затем резко оттолкнулся от подоконника и двинулся в сторону ванной.

«Ну и рожа, – оценил он, увидев в зеркале отечное лицо с темными кругами под глазами. – Теперь ее в порядок приводить... Может, права жена, не одобряя эти вечерние посиделки с друзьями?»

Впрочем, тех, с кем он развлекался по вечерам, можно было назвать друзьями только с большой натяжкой. Близких друзей Сергей вообще не имел, но поскольку давно занимал в городе серьезное положение, то имелись и люди, сильно заинтересованные в его дружбе. Приглашения отужинать поступали чуть ли не ежедневно и превратились в неотъемлемую часть его жизни. При этом спиртным Сергей сильно не увлекался, зато любил вкусно поесть, попариться в баньке или просто провести время в клубе. Частенько ужин заканчивался далеко за полночь, и тогда по утрам ему приходилось ликвидировать последствия недосыпания и вчерашнего обжорства.

Вот и сейчас, вместо того чтобы открыть кран, он отправился на кухню к холодильнику, достал из морозилки пару кубиков льда и вернулся в ванную. С отвращением глядя на собственное отражение, он усердно тер лицо льдом, пока не почувствовал, что кожа онемела от холода. Контрастный душ довершил дело. Из ванной Сергей вышел совсем другим человеком: лицо ожившее и порозовевшее, влажные волосы аккуратно зачесаны назад, только намечающийся животик слегка портит статную фигуру. Кинув взгляд на мирно спящую жену, Сергей осторожно достал из шкафа в спальне свежий костюм и отправился одеваться в гостиную.

Едва он открыл дверь во двор, как на него пахнуло дождем и прелым листом. В воображении живо возникла картина осеннего леса: холодная роса на пожухлой траве, усыпанный желто-коричневыми опятами полусгнивший ствол давно упавшего дерева; вспомнилось, как приятно срезать упругие ножки грибов, целыми пучками отправлять опята в корзину, а возвращаясь домой, ощущать в руках тяжесть добычи.

Постояв немного на крыльце, он шагнул на мокрую брусчатку дорожки, которая в свете уличного фонаря отблескивала ртутью. И тут из-за раскидистых кустов можжевельника, радостно виляя хвостом, выскочил лабрадор Ронни. Желая сохранить костюм в неприкосновенности, Сергей привычно увернулся, и пес пролетел мимо. Притормозив у крыльца, он снова бросился к хозяину, но тот жестом приказал сидеть и подкрепил команду голосом. Ронни послушно замер, нетерпеливо перебирая передними лапами и продолжая вилять хвостом от избытка чувств. Потрепав собаку за холку, ее хозяин отряхнул мокрую руку и поспешил к машине.

Уже через минуту с легким скрипом раздвинулись в стороны автоматические ворота, и депутат Рубцов в своем новом «Гелендвагене» выехал на трассу, ведущую в город.

Привычным касанием кнопки на руле Сергей сразу включил радио. Оттуда мужской голос вещал об очередных экономических потрясениях в стране, при этом звучал издевательски бодро. Тут же захотелось заткнуть молодца, и пришлось пощелкать кнопкой, пока из динамиков не полилась музыка. Приятная мелодия успокоила, он прибавил скорость.

В животе заурчало от голода, и это было странно, ведь он давно отвык завтракать дома. Светлана не любила, да и не умела готовить, намного больше его жену интересовала научная карьера на факультете психологии в университете. Прежде, пока сын не уехал учиться в Лондон, она еще что-то готовила по утрам, но и тогда Сергей редко присаживался за стол, отговариваясь тем, что опаздывает на службу, а на самом деле предпочитая ее домашним завтракам чашку кофе в офисе. Он не делал проблемы из неумения жены готовить и считал, что в его семье царит полное взаимопонимание.

Они со Светой любили друг друга и до сих пор были близки, а интрижки на стороне Сергей позволял себе редко и не относился к другим женщинам всерьез. Их семью намертво скрепляли общие взгляды, духовная близость и любовь к сыну, талантом и успехами которого они очень гордились. Сергей не предъявлял особых претензий занятой наукой жене, Светлана тоже не стремилась его ограничивать, в результате оба с успехом реализовывали себя в работе. Рубцов был любящим мужем, заботливым отцом – одним словом, идеальным семьянином.

Но стоило ему переступить порог собственного дома, как совершалась волшебная метаморфоза. В своем кругу Сергей Александрович Рубцов слыл человеком жестким и даже жестоким, многие его боялись. Этот беспринципный и расчетливый эгоист уважал только силу и власть денег. Поднимаясь по карьерной лестнице, он не задумываясь ломал людские судьбы, даже если эти люди были близки к нему. Впрочем, понятие «близкие люди» Рубцов считал чем-то абстрактным, да и не нужным. Он разуверился в дружбе с тех пор, как в пионерском лагере Димка – самый лучший друг, казалось, их водой не разлить, – устроил ночной набег на девчоночью спальню, а когда их накрыли, наябедничал, что зачинщиком был Серега Рубцов. И пришлось стоять перед всем отрядом, а директриса лагеря отчитывала его так, что уши горели. Димка, которому так верил, подставил его, использовал, и с тех пор Сергей решил никого не подпускать к себе близко, никому не верить и тоже использовать других.

Своих подчиненных Рубцов тасовал, как колоду карт, окружая себя людьми льстивыми и зависимыми. Его не интересовали таланты и трудолюбие сотрудников, а люди с твердыми взглядами и независимым характером даже пугали. От таких он старался поскорее избавиться, окружая себя теми, кто исполнительен и предсказуем.

Конечно, это сложилось не сразу. Когда-то Рубцову самому приходилось доказывать, что он нужен другим. В институте первокурсники, сорвавшиеся с родительского поводка, пускались во все тяжкие, забивали на учебу, частенько пропускали лекции и лабораторные. Один Сергей Рубцов ежедневно таскался в институт, сдавал вовремя все лабораторные работы и курсовики. Школьному отличнику учеба в институте давалась легко, он имел пятерки по всем предметам и заслужил повышенную стипендию. Обычно студенты насмеваются над занудами-ботаниками, но Рубцову удалось этого избежать. В общежитии он не обособлялся от своих товарищей и не отказывал, когда у него просили списать лекцию или помочь сделать курсовик. В конце концов он стал среди студентов человеком популярным, даже уважаемым. Прекрасно понимая, что весь его авторитет держится на шкурных интересах сокурсников, Сергей рассудил, что такие отношения намного выгоднее бескорыстной дружбы. Пусть нет закадычных друзей, зато есть люди, тебе обязанные, имеется компания, в которой при желании можно потусоваться, и там тебе в любой момент будут рады без памяти. Всем удобно, все довольны.

После окончания института Рубцов вернулся в родной город и ровно два месяца отработал инженером на машиностроительном заводе. Опять ему пришлось стоять у осточертевшего еще в институте кульмана, причем в роли простого чертежника. Он обладал довольно серьезным запасом знаний и был готов внедрять новые методы, рационализировать производство,

а вместо этого приходилось копировать старые чертежи. На все его предложения внести коррективы в конструкцию какого-нибудь узла начальник отдела отшучивался: мол, хуже дурака только дурак с инициативой, а она, как известно, наказуема. Вообще к молодым специалистам на заводе относились с пренебрежением и при необходимости именно их посылали «на картошку» или на овощебазу. Это не могло не бесить: работа конструктором, о которой Сергей мечтал, на деле вылилась в череду рутинных и скучных дней.

Ситуация представлялась беспросветной и тупиковой: попав на завод по распределению, он даже не мог уволиться, не отработав положенных трех лет. Так бы и продолжал Сергей Рубцов корпеть над проклятыми чертежами, если бы однажды на завод не позвонили из городского комитета комсомола. Второй секретарь приглашал нескольких молодых специалистов для беседы. Этот туповатый с виду очкарик сообщил новоиспеченным инженерам, что в комитете освободилось место инструктора, и предложил им подумать о такой перспективе. Никто из молодых специалистов терять в зарплате не захотел, а Сергей согласился. Ему было вообще наплевать, где работать и кем, лишь бы не стоять за обшарпанным кульманом и не перебирать гнилую картошку. К тому же он имел некоторый опыт работы в комсомольском бюро института и, как человек, обладающий здравым умом, понимал, что должность инструктора в горкоме – хороший трамплин для будущей жизни. Со временем его могут избрать секретарем комитета, а там – прямая дорога в горком партии...

Сергей уволился с завода и уже через неделю имел собственный стол в чистеньком кабинете горкома комсомола, рядом с еще тремя инструкторами. Новая работа оказалась под завязку заполнена делами непривычными: собрания, протоколы, отчеты... Сергей прекрасно сознавал, что половина в них – фикция, но это нисколько не раздражало, и он научился виртуозно составлять такие документы. Умеющий выглядеть коммуникабельным, Рубцов легко сошелся с товарищами по комсомольской работе; он в меру проявлял инициативу, и это одобрялось. К тому же у него обнаружилось умение ловко «рулить» людьми, а еще – экспромтом толкать длинные речи на любые темы, даже не зная подробностей предмета обсуждения.

Отработав инструктором год, Сергей пришел к выводу, что засиделся в отделе, пора подниматься выше. В горкоме как раз освобождалось место второго секретаря и рассматривались разные кандидатуры на избрание. Ребята, работавшие в комитете по несколько лет, живо обсуждали свои возможности и перспективы. Сергей тоже обсуждал чужие перспективы – ведь его, как самого молодого инструктора, никто из товарищей вообще в расчет не брал. Однако за месяц до выборов второго секретаря произошло событие, круто изменившее расклад сил.

День рождения руководителя одного из отделов отмечали в заводской сауне, в узком кругу сотрудников комитета. Подобного рода мероприятия практиковались часто, хотя в разгар антиалкогольной компании стали делом небезопасным. Не так давно по инициативе горкома партии была создана добровольная антиалкогольная комиссия, действовавшая под лозунгом «Трезвость – норма жизни!». До сих пор она как будто закрывала глаза на сборища комсомольских функционеров, но на этот раз активисты «Трезвости» ввалились в сауну в самый разгар веселья: на столе в предбаннике – весь ассортимент винного отдела и дефицитная закуска, распаренные и пьяные горкомовские деятели в объятиях не менее пьяных комсомолок...

Карьера участников «мероприятия» повисла в воздухе. По странной случайности, к моменту появления проверяющих Сергея в сауне не оказалось. За час до их прихода он покинул вечеринку, сославшись на плохое самочувствие. Не удивительно, что именно его избрали вторым секретарем, хотя о том, что он очень удачно избежал облавы, не судачил только ленивый. Некоторые утверждали, что именно Сергей всех сдал, позвонив в комиссию трезвенников, но говорить об этом осмеливались только шепотом. Рубцова стали побаиваться, при этом все лезли к нему в друзья и старались заручиться поддержкой «второго». Карьера пошла вверх,

именно в том направлении, которое он для себя наметил, и его молодая жена Света гордилась мужем.

Они познакомились во время какого-то торжественного заседания в филиале областного университета, где Света училась на пятом курсе. Случайно разговорились. Сергею понравилась симпатичная и скромная девушка, и после окончания мероприятия он пригласил ее прогуляться в парке. Там они продолжали беседовать, и оказалось, что тем для разговоров не перечесть и взгляды на многое у них сходятся. Света специализировалась на социальной психологии и межличностных отношениях, и Сергей с интересом слушал ее рассуждения о социальной адаптации и роли лидера в коллективе.

Вскоре он познакомил Свету со своими родителями, и те одобрили выбор сына.

– Серьезная девушка, – вынесла вердикт мать, – а тебе как раз жениться пора.

Сергей и сам думал, что пора: прогулок по улицам и пары часов в кафе казалось мало – он не хотел расставаться с любимой ни на минуту, мечтал засыпать с ней рядом и, просыпаясь, видеть на соседней подушке ее лицо.

Вскоре они поженились. Жили с родителями Сергея, поскольку Света родилась в другом городе. Мечты о полных страсти ночах оказались несколько преувеличенными, поскольку жена не отличалась горячим темпераментом, зато он испытывал к ней трогательную нежность и понял, что наконец обрел близкого человека. Света была женщиной целеустремленной и здравомыслящей. Занимаясь теоретической психологией, она не витала в облаках, одобряла карьерные амбиции мужа и подчас давала очень ценные советы.

Еще больше их сблизил смерть матери Сергея. Далеко не старая женщина сгорела за несколько месяцев, и всю тяжесть ухода за больной взяла на себя невестка. Сергей очень переживал. Единственный ребенок в семье, он всегда был окружен маминой заботой и вниманием. Много позже он понял, что именно мать сформировала его характер. Еще в первых классах она сумела убедить сына, что отличникам жить проще: не надо ничего переделывать и пересдавать, твердые знания позволяют легко усвоить новое. Наставляла: «Веди себя активно на уроках, активных замечают, глядишь – и пригодится когда-то». Она никогда не была строгой, напротив, восхищалась сыном и этим поддерживала в нем уверенность в своих силах.

Когда мамы не стало, ее место в жизни Сергея заняла жена. Своей ненавязчивой психотерапией она очень поддержала его в тот трудный год. Отец переживал значительно меньше и вскоре после смерти жены нашел другую спутницу. Некоторое время Сергей не мог этого понять, осуждал отца. Но тут родился сын, появились новые заботы, вскоре горьком представил второму секретарю отдельную двухкомнатную квартиру... Со временем отношения с отцом вполне наладились. Дед обожал внука и, пока Сашка не отправился на учебу в Англию, часто заезжал к ним в гости.

К началу 90-х, перед тем как комсомол и партию разогнали, Рубцов уже был депутатом городского Совета и довольно известной личностью в городе. В стране всё бурлило, проходили ежедневные заседания Совета, и дома продолжались разговоры о том же. Однажды Света заметила вроде бы невзначай:

– Скоро выборы, Сережа. Ты уверен, что тебя опять изберут? Посмотри, сколько высокочек-активистов появилось в последнее время.

Сергей задумался. Перспективы остаться депутатом, и правда, выглядели зыбкими. Пока работа в горсовете катилась по старым рельсам, но ясно, что грядут перемены, и кто знает, что останется от главной городской структуры через год?

Жена выдержала паузу и продолжила:

– Я тут заглянула на экономический семинар, который вел столичный спец. Он был посвящен вопросам акционирования предприятий. Ты слышал, что завод скоро станет закрытым акционерным обществом? Кстати, Ольга Юрьевна Пархоменко, жена директора завода,

наш проректор. Так вот, она сегодня обмолвилась, что ее муж подыскивает дельного заместителя. У тебя ведь, кажется, хорошие отношения с Глебом Александровичем?

Это было всё, что сказала Света. Она никогда не разжевывала свои советы, не настаивала, не учила жить, и Сергей ценил ее сдержанность. Жена делилась информацией, делала деликатный намек, указывала направление, оставляя за мужем право принять окончательное решение и показывая этим, что он глава семьи, его все уважают и ценят.

Рубцов действительно был хорошо знаком с Глебом Александровичем, помогал ему решить кое-какие вопросы с руководством города – в память о том, что некогда, совсем недолго, сам работал на этом заводе. В те времена Пархоменко занимал должность заместителя главного технолога и, конечно, знать не знал молодого выпускника института, но теперь они были «на ты». Несколько раз Глеб приглашал Рубцова на пригородную турбазу завода – «оттянуться» в выстроенном специально для руководства коттедже со всеми возможными удобствами, включая баньку.

Вспомнив, что давненько не общался с Пархоменко, Сергей позвонил ему в тот же вечер. Глеб обрадовался звонку и предложил провести время на турбазе. Рубцов намекнул, что хорошо бы отдохнуть вдвоем, без компании, и директор завода был не против. Там, в комфортабельной лесной избушке, Рубцов принял окончательное решение. Станет ли он депутатом следующего созыва – еще вопрос, а завод – вот он, рядом, и если страна такими темпами будет шагать к капитализму, то скоро у него появятся хозяева. Так отчего бы ему не пристроиться к этому жирному куску?

Во время задушевной беседы Пархоменко подтвердил, что ищет себе дельного зама. Рубцов намекнул, что в связи с непонятной обстановкой в городском Совете он готов вернуться на завод, и Глеб тут же предложил ему занять эту должность. Директор знал, что парень имеет обширные связи и всегда держит нос по ветру.хлопоты по акционированию предприятия он полностью переложил на плечи Рубцова. «Дело новое, совсем непонятное, вот пусть молодежь и разбирается», – решил Глеб Александрович – и не прогадал. Изучив вопрос, Рубцов понял, какие невиданные возможности открываются перед ним. Он занял денег где только мог, Пархоменко тоже подключил свои ресурсы, и вскоре Рубцов уже скупал ваучеры у населения, не имеющего представления, что делать с выданными государством бумажками. Деньги обесценивались буквально на глазах, поэтому кто-то с радостью уступал ваучеры за двойную цену, а кто-то и просто за бутылку водки. Конечно, лично Сергей в скупке не участвовал. Побродив по городскому рынку, он высмотрел двух женщин, которые торговали здесь не один год, и за небольшую мзду предложил им стать посредниками. Света подготовила таблички, красным на белом: «Куплю ваучер». Рубцов опасался, что не успеет собрать достаточное количество ваучеров до публичного аукциона, но граждане на удивление активно избавлялись от приватизационных чеков, даром доставшихся каждому жителю страны, включая стариков и младенцев. Скупщицы рассказывали, что чаще всего ваучеры сдают алкаши, принося их по три, по пять, явно обдирая своих домашних. Но Рубцова это не волновало: главное – успеть скупить столько, сколько ему требуется.

Когда настало время, директор и его заместитель приняли участие в публичном аукционе. В результате у них на руках оказалось около тридцати процентов акций завода; чуть позже они скупили еще более двадцати процентов у заводчан, которые были рады-радешеньки избавиться от бесполезных акций за живые деньги. Но в безвременье переходного периода производство стало хиреть на глазах и вскоре совсем остановилось. Тогда компаньоны приняли решение продать здания завода и его территорию подвернувшимся московским коммерсантам.

После завершения сделки Рубцов ощутил себя богатым человеком. Можно было пустить деньги в оборот, заняться торговлей, как многие, но Сергея не устраивало зависимое положение коммерсанта средней руки. Ему хотелось самому влиять на чужие судьбы, вновь его

манило сладкое бремя власти. Посоветовавшись с женой, Рубцов выставил свою кандидатуру на выборах в городское собрание и вновь стал депутатом.

В городе было тесно от машин – обычное дело по утрам.

«И откуда столько транспорта, – гадал Сергей. – Все жалуются на безденежье и низкую зарплату, но при этом пешком давно никто не ходит».

Статус депутата позволял Рубцову наплевать на правила и объехать пробку, но сегодня ему не хотелось суетиться, выскакивать на встречу, всё равно возле въезда на стоянку наверняка скопилась очередь.

Наконец, припарковав машину, он перешел на другую сторону улицы и двинулся к зданию городского собрания. Дождь перестал, холодный утренний воздух свежей струей вливался в грудь, бодря и поднимая настроение. Сергей не спешил, наслаждаясь короткой прогулкой перед целым днем в офисе.

Сзади послышался оклик:

– Привет, брат!

Рубцов обернулся. Смешно перебирая короткими ногами и качая огромным животом, его догонял Оганян.

– Тамбовский волк тебе брат, – пробормотал себе под нос Сергей и притормозил, изображая улыбку на лице.

Через пять секунд он уже приветливо пожимал руку Карену, начинающему лысеть армянину с миндалевидными карими глазами. Обсуждая неустойчивую осеннюю погоду и городские сплетни, они вместе вошли в здание. В коридоре Рубцова несколько раз останавливали коллеги с какими-то текущими вопросами, поэтому, добравшись до своего кабинета, он уже чувствовал, что немного устал. «Надо кончать с вечерними загулами и вести здоровый образ жизни», – подумал он, падая в мягкое удобное кресло. Внутри закипало раздражение, и захотелось выплеснуть его, хоть на кого-то. Пусть не ему одному будет плохо...

В дверь постучали, он ответил.

Вика, помощница депутата, тихо вошла в кабинет, поздоровалась и, соблюдая субординацию, встала у дверей, показывая, что готова к работе.

Сергей потянулся в кресле так, что кости хрустнули, тряхнул головой и только после этого облокотился о стол и обратился к девушке:

– Ну, что у нас новенького?

– Всё как обычно, – Вика подошла и положила на стол довольно приличную стопку документов. Сергей невольно скривился.

– Заседаний на сегодня не назначено, – продолжила помощница. – А это – по последним решениям комитета, вы должны подписать.

Неожиданно для девушки шеф раздраженно оттолкнул документы и взорвался:

– Должен?! Кому это я должен?

Вика удивленно выкатила глаза и неуверенно промямлила:

– Но Карен Суренович... Он сказал, что это срочно.

– Ах, Карен... А ты у кого работаешь? – гневно рявкнул Сергей и, прищурившись, уставился на помощницу.

Не поднимая глаз, Вика попятилась к двери.

– Ладно, проехали, – смиловился Рубцов. – Принеси кофе и свяжи меня с архитектором.

Дверь закрылась. Сергей придвинул пачку и просто для проформы стал просматривать бумаги. Он почти никогда этим не занимался, обычно визировал протоколы не глядя. Первая же взятая в руки папка с документами отчего-то насторожила его.

– Не понял, – пробормотал он себе под нос и принялся лихорадочно перелистывать бумаги, местами останавливаясь и внимательно вчитываясь.

Когда Вика позвонила и дрожащим голосом сообщила, что Рубцов, вместо того чтобы просто подписать протоколы, наорал на нее, а после стал просматривать документы, Оганян всерьез разволновался.

– Засада... – процедил он, опустив трубку на аппарат и нервно потирая шершавую щеку. – Если он внимательно прочитает, то точно заметит, Серега мужик цепкий... И что тогда? Взбрыкнет, не подпишет? А мне, блин, что делать?

Он занервничал неспроста. Мягко говоря, кое-что в протоколах согласований, поданных на подпись председателю комиссии, не соответствовало документам, которые Карен Суменович представил на заседании. А правильное сказать – совсем не соответствовало.

Согласование выделяемых городом земельных участков было общим «бизнесом» Рубцова и Оганяна. Еще несколько лет назад оба депутата городской думы оказались в комиссии по архитектуре и строительству. В те годы процесс согласования документации этой структурой был простой формальностью. Но Карен, тогда еще стройный и шустрый, очень быстро сообразил, насколько можно обогатиться на этом месте, учитывая начинающийся строительный бум. Он поделился своими соображениями с Рубцовым. Тот оценил изобилие будущей «кормушки», и вместе они провернули операцию по переизбранию главы комиссии. Вначале про него пустили некрасивый слухок, который расползся не только среди членов комиссии, но и по всей думе. Через некоторое время «проштрафившемуся» депутату пришлось объясняться лично с председателем городского собрания, после чего он сложил с себя полномочия. Большинство голосов главой комиссии по градостроительству был избран Рубцов, как имеющий опыт руководителя и пользующийся авторитетом в городе. Сам Карен Суменович не стремился на эту должность, посчитав, что в случае чего отвечать придется тому, кто подписывает документы, а он останется в стороне.

Компаньоны четко отработали схему раскрутки застройщиков. Для начала комиссия отказывала в согласовании участка по формальному признаку. Предприниматели, прошедшие все круги ада и порядком потратившиеся, пока собирали пакет документов на землю и застройку, обычно впадали в шок от безапелляционного отказа и готовы были заплатить любые деньги, лишь бы завершить свои мучения и оправдать вложенные средства.

Первое время суммы от «бизнеса по согласованию» были относительно скромными, потом деньги потекли рекой. Город активно строился. Партнеры орудовали бойко и почти без нарушений градостроительного кодекса. Но наступил момент, когда свободные и ничем не обремененные территории оказались разобраны, на согласования стали представлять сомнительные участки, застройку которых невозможно разрешить, не нарушая законодательства.

«Бизнес» забуксовал. Рубцов всегда был человеком осторожным, он отказывался согласовывать проблемные документы, а получалось, что таких теперь большинство. Однако привыкший к большим деньгам Карен не хотел, да и не мог снижать обороты. Он с головой увяз в собственном строительном бизнесе, требовавшем стабильных вложений, и решился протаскать через комиссию несколько сомнительных дел, подменив на время заседания некоторые документы и топографические съемки. Полностью доверяя Карену, Рубцов это проглотил и получил свой обычный гонорар «за быстрое согласование».

Оганяну досталось в десятки раз больше. Продолжая в том же духе, за несколько лет он здорово приподнялся, решил все свои финансовые проблемы. Он бы и рад был притормозить, опасаясь, что аферы раскроются, да не мог. Участвующие в процессе серьезные люди не хотели терять доход и находили всё новые и новые участки для реализации. При всей своей изворотливости Карен не представлял, как ему соскочить с крючка «деловых».

Когда Карен вошел в кабинет Рубцова, тот разговаривал по телефону и жестом пригласил его присесть. Слушая собеседника, он зажал микрофон рукой и негромко спросил, кивнув вопросительно:

– Я не понял, мы что, сливаем лесопарк?

Карен замер.

«Высмотрел, сука!» – ругнулся он мысленно и лихорадочно стал соображать, как теперь отбрезаться.

Не отрывая глаз от Карена, Сергей за полминуты закончил разговор, аккуратно положил трубку на место и ласково повторил свой вопрос:

– Так сливаем или мне показалось?

– Ты о чём, Сереж? – весьма талантливо изобразил удивление Карен.

Ласковое выражение слетело с лица Рубцова, он откинулся в кресле и со злостью процеди сквозь зубы:

– Кончай разыгрывать святую невинность. Скажи еще, что ты не в курсе.

Карен продолжал изображать недоумение:

– Не в курсе чего, Сережа? Объясни, в чём дело, что случилось?

Сергей начал терять терпение:

– Две недели назад на заседании комиссии мы какой район рассматривали, ты помнишь, а?

– Помню. Улицы Советскую и Зеленую рассматривали, – невозмутимо ответил Карен.

– А что у нас между этими улицами?.. Лесопарк! – Рубцов хлопнул по столу рукой. – Что ж ты, гад, меня подставляешь?

Карен выкатил глаза:

– Какой лесопарк, Сережа? Ты же видел съемку, там земля справа и слева...

– Справа и слева? – рявкнул Рубцов. – Глаза разуй!

Через стол к Карену полетела папка с документами. Открыв ее, тот удивленно уставился на съемку и через пару секунд пробормотал:

– В натуре не то... Но ты не психуй, я посмотрю и всё разрулю.

– Забирай.

Сергей брезгливо кивнул и, демонстративно отвернувшись, взял в руки мобильник.

Сунув папку подмышку, Оганян вышел из кабинета.

Его трясло. В голове клокотало от злости: «Урод, козел! Такая сделка! Два ляма баксов! Да если согласование не будет подписано, мне башку снесут!»

При мысли о том, что предстоит объяснение с «заказчиком», ладони Карена противно вспотели. Он направился в комнату для совещаний, где две помощницы готовили очередное заседание. Девушки вежливо поздоровались, но Карен Суменович, обычно приветливый, буркнул в ответ что-то невразумительное и попросил их выйти. Когда дверь закрылась, Карен рухнул в кресло, достал мобильник и набрал номер.

– Привет, Стас, – поздоровался он и сразу выдал: – У нас проблема.

Карен покинул его кабинет, а Рубцов встал и подошел к окну. Опять зарядил дождь. Сверху казалось, что вместо людей по улице сами собой ползут зонтики.

Чем больше Сергей думал о согласовании с подтасованными координатами участка, тем больше в нем крепло подозрение, что этот случай – не единичный. Как давно Карен повел эту опасную игру? Пока общественность молчит, скандалов никто не раздувал. Это понятно: от даты согласования до начала реального строительства проходит как минимум год, а бывает, и пять лет. Но что будет, когда вылезут все проблемные стройки?

От одной этой мысли Сергей поежился. Ему грозит стать центральной фигурой публичного скандала – и это минимум.

Надо проверить все дела за последний год, но только как это сделать без ведома партнера? Перебирая фамилии сотрудников, Рубцов вдруг подумал, что все они могут быть на содержании у Карена и в случае чего сразу побегут к нему. В голове не возникало ни одной конструктивной мысли. Сергей чувствовал себя марионеткой в чужой серьезной игре и в бессилии выругался вслух. Настроение безнадежно испортилось. Понимая, что на рабочем месте будут отвлекать и ничего он не надумает, Рубцов, взглянув на часы, решил выйти перекусить.

Он не стал брать машину и пешком прошелся до ближайшего кафе, благо тучи на время раздвинулись. Выбор в заведении был не ахти, но кормили вкусно, заваривали приличный кофе; шансы встретить кого-либо из сотрудников и коллег практически равны нулю – до обеденного перерыва далеко.

Сергей занял столик в дальнем углу. Он автоматически взял в руки меню, которое знал почти наизусть, мысленно продолжая искать выход из сложившейся ситуации. Трезво соображать мешала злость, и не только на Карена.

«Дебил, идиот! – ругал он самого себя. – Это ж надо так подставиться! Карен отстегивал мне копейки, а сам...»

Рубцов начал понимать, что Карен не просто подставил его, а кинул на очень большую сумму. Подумав о порядке цифр, он пришел в ярость: «Гад, сволочь... А еще братом называл... Ну и кому после этого можно верить?.. Как узнать, где и на сколько меня кинули?.. Нужно раздобыть реестры документов...»

Бессвязные от бешенства мысли прервал вежливый официант. Сергей даже не сразу сообразил, чего он от него хочет. Ах да, надо что-то заказать...

Вернувшись в реальность, он сделал заказ и рассеянно осмотрелся. Зал был почти пуст, только за столиком у входа две девушки в офисных костюмах курили, прихлебывая свой кофе. Одна из них поймала взгляд Сергея, приветливо кивнула головой и улыбнулась. Он машинально кивнул в ответ и принялся соображать, с кем поздоровался. Лицо казалось отдаленно знакомым, но кто это? Судя по одежде, макияжу и общему впечатлению, она не из круга его подружек-веселушек. Всех симпатичных девушек, работающих в городской думе, он знал в лицо, сотрудниц городской администрации тоже...

Девушка продолжала смотреть в его сторону, и это немного напрягало. Наконец она встала и направилась к его столику. Сергей откинулся на спинку кресла, машинально оценивая внешность и походку девушки. Надо же, вышагивает как модель. Офисный костюмчик чересчур строг, но молодость им не заслонишь. Симпатичная, и фигурка на уровне!

– Добрый день, Сергей Александрович, – подойдя, заговорила девушка.

– Добрый... – ожидая продолжения и с интересом глядя на нее, ответил Рубцов.

– Я – Марина Егорова.

Сергей промолчал, поскольку имя ничего ему не говорило.

Девушка улыбнулась немного смущенно и пояснила:

– Дочь Инны Алексеевны из юридического отдела администрации. Помните, мама с вами по поводу меня разговаривала...

Сергей расслабился. С Инной Егоровой он давно сотрудничал, она была надежным доверенным человеком. Девушку он тоже вспомнил. Где-то с полгода назад мать привела ее с собой, просила устроить на работу. Дочь Инны пробыла в кабинете всего минуту, просто представилась, и он в тот момент не обратил на нее особого внимания, разговаривал по телефону.

– Как ваши дела? – спросил он просто из вежливости.

Лицо девушки озарилось довольной улыбкой:

– Очень хорошо! Спасибо вам огромное, Сергей Александрович! Отличное место, я работаю с удовольствием.

– Вот и замечательно. Простите, запомнил, куда мы вас устроили...

Сергей уже потерял интерес к девушке: дочь старой знакомой – это святое. Он собрался передать привет маме и на том закончить, но тут девушка сообщила, что работает инженером в отделе архитектуры.

Он застыл с открытым ртом, поскольку несколько минут назад гадал именно о том, как раздобыть реестры согласованных на застройку участков... Да эта Марина просто подарок судьбы!

– Простите, как вы сказали? Архитектуры? Это очень интересно, очень...

Сергей лихорадочно соображал. Сразу взять ее в оборот?... Нет, шанс подвернулся слишком неожиданно, ему прежде нужно тщательно продумать конкретные задачи для работницы отдела архитектуры.

Официант принес заказ, но Сергей будто и не заметил. Ему необходимо было задержать Марину, познакомиться с ней поближе, установить доверительные отношения.

– Может, вы присядете? – предложил он.

– Простите, но мне уже нужно бежать. Еще раз спасибо вам огромное, Сергей Александрович. До свидания.

Марина быстро прошла к выходу, а Сергей взял в руку вилку и принялся рассеянноковырять овощной салат. Есть расхотелось. Он отодвинул тарелку, заглотив успевший остыть кофе, расплатился и вышел на улицу.

Настроение слегка улучшилось. Понятно, что до решения проблемы еще ой как далеко, но теперь, по крайней мере, он не чувствовал себя болваном в чужом раскладе и начинал представлять, в каком направлении надо двигаться, чтобы разобраться во всем и... отомстить.

Направляясь к стоянке, Карен торопливо, порой переходя на мелкую трясцу, пересек улицу и скоро взгромоздился на водительское место в своем джипе. Хлопнула дверца, машина рванула с места и, набирая скорость, с визгом скрылась за поворотом.

Несколько сотрудников собрания, наблюдавшие лихой маневр из окон и узнавшие машину депутата, были порядком удивлены. Прежде за Оганяном таких фокусов не водилось. Они представить не могли, на какой пожар так спешит Карен Суменович.

Выходка Рубцова с проверкой документов стала для Карена полной неожиданностью и лишила способности трезво рассуждать. Он гнал машину, сжимая руль потными ладонями, не осознавая, что решение проблемы не зависит от того, насколько быстро он появится у Стаса.

– Черт, как же мне преподнести это хозяину... – бормотал он себе под нос.

Владимир Иванович Стасов, или Стас, действительно был хозяином, хозяином в полном смысле этого слова. В отличие от других криминальных авторитетов он вел степенный образ жизни, вроде зажиточного фермера. Этому образу вполне соответствовал его большой загородный дом из красного кирпича, выстроенный без особых архитектурных излишеств и современных наворотов в виде башенок, эркеров, парадных лестниц и бассейнов. Правда, с крыши дома смотрели в небо несколько причудливых антенн, по периметру участка было наткнуто не меньше дюжины камер наружного видеонаблюдения, а когда тяжелые ворота плавно распахивались, за ними виднелись вооруженные охранники. Но соседи никогда не слышали, чтобы за стенами глухого каменного забора проходили какие-то разгульные вечеринки; в городе хозяйина дома на подобных мероприятиях тоже не замечали. Владимир Иванович вел здоровый образ жизни и в свои пятьдесят выглядел не больше чем на сорок: стального цвета глаза на свежем лице, короткий бобрик начинающих седесть волос, средний рост и подтянутая фигура человека, регулярно занимающегося спортом.

Стас появился в городе в начале нулевых, когда в стране буйным цветом расцветали коррупция и рейдерство, а проще «отжим» построенного за период приватизации успешного биз-

неса. Местный криминалитет принимал активное участие в переделе собственности, подминал под себя мелкий и средний бизнес, наращивая финансовые мускулы для более масштабных дел. Стасов как будто не участвовал в бандитских разборках, но неожиданно стал человеком богатым и влиятельным. В его руках оказался не один десяток мелких компаний, а их прежние хозяева просто исчезли без следа. В городе считали, что дело тут нечисто, но толком доказать никто ничего не мог, да и не пробовал. Местные «деловые» пытались «наехать» на нового авторитета с целью отобрать бизнес или хотя бы принудить его «засылать в общак долю». Но настоящей войны не случилось. «Сверху» поступил жесткий приказ оставить Стаса в покое. По городу поползли слухи о «большой руке и серьезной крыше» у Стасова, что отчасти было правдой, учитывая объемы сумм, уходящих от него во власть.

Хозяином Карен называл Стасова только мысленно, вслух это слово он произнести не смел. Владимир Иванович не терпел, когда его называли хозяином, шефом или боссом, запретил приближенным пользоваться кличками; его корбило, когда он слышал воровской жаргон. Он был твердо убежден, что подобные вольности наносят ущерб имиджу солидного бизнесмена, который он так усердно создавал. Только близкие люди имели право называть его Стасом, да и то не при посторонних.

Карен замыкал на себе серьезные земельные вопросы и считался человеком близким. За несколько лет сотрудничества он не допустил ни одного прокола, поэтому, услышав в трубке: «У нас проблема», Стас поначалу не слишком обеспокоился, просто пригласил Карена заехать. Но после разговора, мысленно анализируя дрожащий голос Карена, припомнив суммы, которые сулит последняя сделка, Стасов понял, что проблема имеется, и она может оказаться очень серьезной.

Кабинет Стаса располагался на втором этаже его особняка и больше напоминал командный пункт среднего боевого подразделения. Два компьютера с принтерами при каждом; три больших экрана, в секторах которых отображались картинки с камер видеонаблюдения; различные средства связи – от простейших раций до спутниковых телефонов; технические справочники, бумажные карты... Вся обстановка говорила о том, что в прошлом хозяин кабинета работал в серьезных структурах. При помощи системы мощных жалюзи комната за несколько секунд могла превратиться в сейф, вскрыть который невозможно даже с применением гранатомета. Но любимым детищем и тайной гордостью хозяина являлся замаскированный в одной из стен стенд с холодным и огнестрельным оружием. Некоторые его образцы являлись засекреченными и использовались только спецподразделениями. Этим арсеналом легко можно было вооружить штурмовой взвод спецназа для выполнения серьезной боевой операции. О существовании этого стенда не знал никто, кроме хозяина кабинета, и тщательное соблюдение секрета помогло в свое время Стасу разобраться с некоторыми претендентами на его бизнес. При этом «деловые» списали свои потери на действия силовых структур, поскольку не представляли, что кто-то еще может иметь такие спецсредства. Не понаслышке зная о методах работы спецслужб, Стасов в одиночку готовил и исполнял операции по устранению конкурентов, не доверяя это никому.

Действуя через Оганяна, Стас никогда лично не контактировал с Рубцовым, но считал его человеком проплаченным и, по словам Карена, полностью управляемым. Немного поразмышляв о тревожном звонке, он вышел из кабинета в смежную комнату – что-то вроде приемной – и нажал на кнопку аппарата внутренней связи:

– Олега мне найдите, пусть зайдет.

Отдав приказ, Стасов уселся за большим столом для переговоров, на котором ровно посередине стоял стаканчик с карандашами, а рядом лежала черная папка с чистой бумагой. Взяв в руки карандаш и достав чистый лист, он не торопясь начал что-то писать.

Вскоре раздался короткий стук, дверь приоткрылась, и в нее заглянул Олег:

– Владимир Иванович, вызывали?

Стас поднял голову от своих заметок:

– Заходи.

В комнату вошел спортивного вида молодой человек. Его темные волосы были аккуратно и коротко подстрижены, лицо гладко выбрито, мускулы в меру накачаны. Черные джинсы и футболка выгодно подчеркивали силу стройного тела и белизну кожи. Такой светлой кожей при темных глазах бог подчас награждает восточных мужчин, хотя по лицу Олег был, скорее, европейцем. Двигался он быстро и мягко, с некоторой долей кошачьей грации, и по первому взгляду производил очень приятное впечатление. Если бы не торчавшая сзади из-за пояса джинсов рукоять пистолета, его можно было принять за студента или какого-нибудь специалиста по компьютерам.

Олег считался самым доверенным человеком в команде Стаса и от остальных держался особняком. Никто не знал, какие именно поручения он выполняет, но непреложным было одно: приказ Олега практически равен приказу самого Стаса.

Кивнув на кресло, Владимир Иванович встал и подошел к окну. Некоторое время он молча глядел во двор; удобно расположившийся Олег внимательно следил за спиной хозяина. Наконец тот обернулся:

– Сейчас приедет Оганян. Похоже, что-то не срослось с последним контрактом. Там ведь Рубцов рулит? Что тебе про него известно?

Олег пожал плечами:

– Слышать про него слышал, но всерьез не пробивал. По-моему, мутный какой-то тип, как и все эти депутаты.

– Мутный он или прозрачный, а схема должна работать, и данный контракт для нас особенно важен. Это сфера ответственности Карена. Твоя задача – слегка напрячь толстяка, чтобы шевелился побыстрее. Пусть разруливает. А ты на всякий случай соберешь досье на Рубцова и понаблюдаешь за ним.

Стас взял со стола лист со своими записями, аккуратно сложил его и сунул в нагрудный карман модной белой рубашки.

Тут раздался голос из динамика:

– Владимир Иванович, приехал Оганян.

– Проводи в гостиную, – приказал в аппарат Стасов.

Он открыл дверь, пропустил Олега вперед, вышел сам и запер за собой кабинет.

Еще спускаясь по лестнице, хозяин увидел гостя, поднял руку и слегка махнул, приветствуя. Карен начал выбираться из глубин поглотившего его дивана, но это ему удалось лишь с третьей попытки. Справившись с нелегкой задачей, он засеменил навстречу Стасову, протягивая вперед обе руки. Они сошлись на середине комнаты, и Стас, крепко пожимая Карену руку, заметил, что она влажная, а сам гость непривычно бледен.

– Что-то ты неважно выглядишь, Карен. Не заболел? – с притворной заботой спросил он.

– Нет-нет, вполне здоров, – поспешил заверить Оганян и обернулся к Олегу, протягивая руку.

Олег покосился на Стаса, тот еле заметно кивнул. Пожимая руку Оганяну, Олег неуловимым движением чуть развернул ладонь и, захватив пальцы Карена, вывернул их назад. Дико взвизгнув от боли, тот рухнул на колени. Парализованный страхом, Карен боялся вздохнуть и пошевелиться, лоб его мгновенно покрылся испариной. Услышав тихий смех, он поднял глаза, в которых плескался ужас. Стас и Олег глядели на него сверху вниз и смеялись. Это длилось всего несколько секунд, затем Олег отпустил руку и, придерживая за локоть, помог Карену подняться.

– Извини. Дурацкая привычка, армейский прикол – у нас сержант любил так над ребятами подшучивать.

Оганян не знал, как реагировать на подобные шутки. В принципе, проведенный Олегом прием не был жестким, просто слишком неожиданным. Его неадекватную реакцию скорее вызвал страх перед неминуемой карой со стороны Стаса.

Карен молчал, и Стас слегка усмехнулся:

– Ну, вот ты и познакомился с Олегом. Мой помощник. Забыл предупредить его, чтобы без шуточек.

Олег скроил повинную физиономию:

– Извини, не рассчитал...

«Да всё ты рассчитал!» – мысленно ответил Карен, понимая, что номер с показательным и техничным унижением разыгран неспроста, а вслух ответил, скрывая страх за бодрой улыбкой:

– Чего извиняться, это я не среагировал – теряю форму. Старый стал, неуклюжий...

Жестом Стас пригласил Карена и Олега устроиться у низкого стеклянного столика. Достав из бара коньяк 15-летней выдержки и три широких бокала, он щедро плеснул в каждый.

– «Праздничный», отличный армянский коньяк, рекомендую, – сказал он, но сам бокала не взял и не присел к столу. Отойдя на пару шагов, он скрестил руки на груди.

Слегка дрожащей рукой Карен схватил бокал и одним махом его осушил. Олег тоже взял коньяк, но прежде чем попробовать, поболтал его перед носом, вдыхая аромат дорогого напитка.

– Ну, рассказывай... – вопрос Стаса прозвучал почти безразлично.

Карен уже немного успокоился, коньяк приятно согрел горло, вливая какое-то умиротворяющее чувство. Сглотнув и придав голосу уверенность, он начал:

– Да я же говорил: Рубцов, гад, забуксовал. Подпись не ставит.

– Забуксовал? – Стас поморщился. – Это у вас, у думских, такой жаргон?.. А что, ты разве с ним не поговорил?

– Ну да, мы всё перетерли. Две недели комитет тему обсуждал: всё путем, участок согласовали. А сегодня утром – здрасьте, приехали! – он обратный ход включил.

Слушая депутата, Стас опять досадливо поморщился, но ничего не сказал, ожидая конца тирады. Карен умолк, выжидающе глядя на хозяина, но тот долго не открывал рта. Прошла минута, прежде чем он заговорил:

– Хорошо, что ты предлагаешь? – голос был спокойным, и Карену вдруг подумалось, что всё не так плохо, как казалось поначалу.

– Надо на него нажать, Стас! – уверенным тоном заявил он.

– Нажимай, – безразлично пожал плечами хозяин.

– Я?! – забыв, с кем разговаривает, возмущенно выкрикнул Карен.

То, что произошло дальше, не могло ему присниться даже в самом страшном сне. Буквально в одну секунду только что вальяжно попивавший коньяк Олег неуловимым движением выхватил из-за спины пистолет, ткнул дулом в лоб Карену и дважды нажал на курок... Только вместо грохота выстрелов прозвучали два негромких щелчка.

Состроив удивленную физиономию, Олег уставился на оружие, затем выщелкнул обойму, в которой не доставало двух патронов, и рассмеялся:

– Вот растяпа! Как же я его заряжал?

Оганяну было известно, что Стас человек серьезный, но такого он не ожидал... За эти пять секунд Карен успел пять раз умереть. От ужаса руки и ноги скрутило противной судорогой. Побледнев как покойник, он хватал ртом воздух, не в силах издать ни звука, а внутри всё вопило... Его бил озноб, и одновременно пот градом катил со лба и капал с кончика носа на брюки. Карен опустил глаза и понял, что в довершение позора обмочился от страха.

Стас, не меняя позы, с интересом следил за происходящим. Олег продолжал ковыряться в оружии, изображая крайнее удивление.

– Ну ты и придурок, – непонятно к кому обращаясь, произнес Стас.

Олег обернулся, Стасов указал глазами на графин с водой. Понимающе кивнув, Олег взял со стола графин и медленно вылил его содержимое Карену на голову. Вода попала в разинутый от ужаса рот, депутат закашлялся и безвольно сполз с кресла.

– Эй, концы не отдай раньше времени! – хохотнул Олег и постучал Карену по спине.

Тот прокашлялся и прохрипел, с ужасом глядя на своих мучителей:

– За что?!

– За что? – спокойно переспросил Стас. – Ты, когда в тему вписывался, гарантии давал? Деньги брал?.. Это, Каренчик, зона твоей ответственности. Вот сам и расхлебывай. Сроку тебе – неделя.

Он помолчал, глядя на трясущегося от страха и холодной воды Карена, и завершил:

– Олег, проводи его. Я буду в гараже.

Когда хозяин вышел, Олег вставил обойму в пистолет и несильно, но чувствительно пнул Карена ногой под ребра.

– Поднимайся, урод. Слышал, что Владимир Иванович сказал? Срок – неделя.

Чтобы не повторять, Олег демонстративно передернул затвор. Пару секунд Карен остекленевшими глазами смотрел на оружие, а затем с неестественной прыткостью вскочил на ноги и поспешил к двери. Минуты не прошло, как со двора послышался рокот мотора отъезжающего автомобиля. Олег удовлетворенно ухмыльнулся. Ему нравилось разыгрывать вместе со Стасом подобные спектакли, своего режиссера он понимал с одного взгляда.

– Посмотрим, как ты теперь закрутишься, Каренчик. А не оправдаешь оказанного тебе высокого доверия – разговор будет более серьезный, – пробормотал Олег и отправился искать хозяина.

Стаса он нашел в гараже. Тот стоял, уставившись на примятое крыло новенького BMW. Оглядевшись, Олег заметил свежие брызги крови на белой стене гаража и кинул вопросительный взгляд на хозяина.

– Козлы, ездить никто не умеет. Своего нет, и чужое не берегут, – прокомментировал Стас.

Олег кивнул. Он знал, что хозяин всегда трепетно относится к своей собственности, особенно к автомобилям.

Из подсобки, держась за лицо и пошатываясь, вышел водитель. В районе груди на белой рубашке виднелись следы наспех замытой крови.

Стас указал рукой на распахнутые ворота:

– Пшел вон... Совсем. На улице просохнешь.

Когда они остались одни, Стасов открыл заднюю дверцу BMW, присел и заговорил:

– Что-то не нравится мне история с неподписанным согласованием. Если Карен не разрулит, нам придется самим вплотную заняться этим вопросом. Деньги-то всегда вернем, этот гад еще и по счетчику заплатит. Но мы перед серьезными людьми отвечаем, и если что-то не так, с нас жестко спросят. А сам понимаешь, с ними воевать...

– Что я должен делать? – спросил Олег.

Он был готов исполнить любой приказ Стаса, да и войны не боялся.

– Для начала поразунай о Рубцове. Где и с кем живет, с кем спит, на чём вообще его подловить можно. И главное – источники его доходов. На этом можно сыграть. Припугнем депутата – станет посговорчивее.

Стас умолк и задумчиво почесал в затылке:

– Меня не покидает ощущение, будто тут что-то не так. Возможно, через Рубцова кто-нибудь со стороны решил встрять в нашу тему...

Олег пожал плечами и с готовностью ответил:

– Понял, попробую выяснить. Я могу взять ребят на подмогу?

– Естественно. Давай, исполняй.

По-военному развернувшись, молодой человек бодро направился к боковой двери.

Когда-то Олег Копылов служил под командованием Стасова в войсках специального назначения. Теперь он был его правой рукой и состоял на особом положении: руководил секретным боевым крылом. Приказы члены группы получали только от Копылова, и даже не все бывшие спецназовцы знали, на кого в конечном итоге работают. Но в последнее время Олегу становилось всё сложнее поддерживать боевой дух и дисциплину ребят. Спокойствие расслабляет и развращает, он был абсолютно в этом уверен. Раньше то и дело случались разборки с конкурентами, подчас заканчивающиеся стрельбой. Нынче «забитые стрелки» больше походили на совещания солидных деловых партнеров, с чаепитием и обменом любезностями. Недавняя длительная командировка в Москву состояла сплошь из таких встреч, и он вернулся сытый ими по горло.

Полученное только что задание обещало работу, которая была Олегу по вкусу: выследить, выяснить, захватить и надавить. Давно он не занимался ничем подобным и ощутил, как кровь быстрее побежала по жилам.

Достав из кармана телефон, он нашел нужный номер. На том конце ему ответил вялый голос:

– Привет, ты чё-то хотел?

– Привет. Можешь по-быстрому подъехать в наш кабак? Дело есть.

– Буду минут через десять.

Олег выключил трубку и ругнулся:

– Долбанный мусор!

Это адресовалось Ивану Семеновичу Бородину, сотруднику местного РОВД, давно находящемуся на содержании у Олега, а точнее, у Стаса. Каждый раз, когда приходилось с ним общаться, Олег едва сдерживал непреодолимое желание набить морду этой чванливой скотине.

В свое время один из подобных ублюдков «посодействовал» увольнению молодого офицера из спецподразделения МВД – в отместку за то, что Олег не пожелал участвовать в их грязных делах. Это стало одним из самых горьких моментов в жизни Копылова. Олег никогда не знал своего отца. Когда ему было десять лет, мать, возвращавшуюся с работы, убил какой-то урка: ни за что, за кошелёк, в котором было всего пять рублей. Убийцу не нашли, да и искал ли кто-нибудь всерьёз? У Олега не осталось никого на свете, кроме деда, ветерана войны. Окончив школу, парень пошел учиться в академию МВД, как говорится, по зову сердца: служба пусть опасная, но очень нужная людям. Дед не дожил до того дня, когда плечи внука украсили погоны младшего лейтенанта.

Реальная работа очень скоро разрушила иллюзии Олега. Вначале парень понял, что не все сотрудники милиции живут на зарплату, а вскоре вполне оценил количество и размах совершаемых ментами преступлений. И всё это прикрывалось высшими чинами МВД, служило им кормушкой. Олег не смог принять такие правила игры, и через некоторое время его уволили по надуманному обвинению. Примерно с год он маялся на гражданке, перебивался случайными заработками, пока не попал в поле зрения Стасова, офицера ГРУ. Тогда он как раз формировал разведгруппу для очередной горячей точки.

Поступив в отряд, Олег ощутил, будто попал домой. Ежедневные занятия по спецподготовке и стрельбе, физические тренировки вернули в его жизнь смысл и порядок. Потом были два года непонятной войны, череда непоследовательных приказов и, как позже выяснилось, предательство руководства. Единственным, кому Олег верил всегда и безоговорочно, был Стасов, всегда честный со своими подчиненными. Разочаровавшись в своих командирах, они вме-

сте уволились из армии и оказались на гражданке без денег, но с полным багажом боевой подготовки.

Для людей с таким специфическим опытом эпоха криминальных разборок оказалась золотым временем, и Стасов пришел к выводу, что упускать Олега нельзя. При этом он не считал, что изменяет своим убеждениям, просто решил, что будет применять свои знания и опыт в реалиях вставшей на другие рельсы страны. Копылов пошел за своим командиром, стал его правой рукой. Вместе они довольно быстро сформировали команду бойцов для реализации новых планов Стасова.

Задумавшись, Олег чуть не проскочил стоянку возле ресторана и, заметив это, резко ударил по тормозам. Затем пару раз крутанул руль – джип развернулся и медленно въехал под шлагбаум. Аккуратно припарковав машину, Олег вышел и направился к двери ресторана.

Войдя в большой зал, он огляделся. За крайним столиком его уже ждал человек в форме майора. Олег разозлился: сам он всегда старался соблюдать конспирацию.

«Совсем оборзел, урод, – пронеслось в голове, – даже переодеться не соизволил!»

Подойдя к столику, он заметил вместо приветствия:

– Ты прямо как на строевой смотри, при всех регалиях...

– Мне что, в трусах сюда приходить? – буркнул мент в ответ на шутку.

– Боже упаси! – продолжал веселиться Олег. – Всех баб распугаешь. Не боишься засветиться?

– Я свое уже отбоялся!

Олег подумал, что Бородина пора менять. Слишком обнаглел в последнее время, а вдруг надумает подставить? Но тут он припомнил, сколько сил и средств вложено в карьеру этого индюка, и немного притормозил, просто решил в ближайшее время найти способ вернуть мента в рамки.

– У нас возникли кое-какие проблемы, нужна информация о Рубцове. Слышал про такого?

Иван Семенович прекратил жевать и с прищуром уставился на собеседника:

– Ну, знаю я эту шишку...

На слове «шишка» он сделал ударение.

«Сейчас цену начнет набивать, – догадался Олег. – Вот гадина! Новые звезды на погоны ему летели как по заказу, по служебной лестнице поднимался без остановки – так неужели забыл, кому всем этим обязан? А может, ему надоело работать на Стаса? Дурашка... Мы ж, при желании, можем такое тебе устроить, что «красная зона» раем покажется! Умирать будешь долго и мучительно... С нами лучше дружить, тебе ведь это тоже выгодно...»

Мысленный монолог Олега был прерван вопросом Бородина:

– Так чего там надо по Рубцову?

– Информацию. Пробей по вашим базам всё, что можно узнать о нем.

– Да он вроде не проходил у нас. Инфы будет мизер.

Точно, цену набивает. Теряя терпение, Олег заиграл желваками.

– Ты, часом, рамсы не попутал? Кончай тормозить! – грубо оборвал он Бородина. – Работать разучился? Может, мне тебя поучить?... – сделав паузу, он завершил более спокойно, раздельно: – Нуж-на ин-фор-ма-ция – так собери ее!

Майор опять уткнулся в тарелку. Он понимал, что наезд Олега лучше пропустить мимо ушей, будто его и не было.

– Хорошо. Пара дней и штуку зелени.

– Идет, штука баксов, но завтра к вечеру.

Мент молча кивнул головой, поднялся из-за стола и, не прощаясь, направился к выходу.

– С-сука. Оборотень в погонах... – пробормотал Олег себе по нос и жестом подозвал официанта.

Теперь Карену уже не надо было спешить, но страх и отчаяние, владевшие им последние несколько часов, сменились безудержной злостью и гнали вперед. Автомобиль несся с запрещенной скоростью, а он сжимал руль до боли в пальцах и ругался матом. Он вспоминал позорную сцену в гостиной у Стаса, чувствовал, как зудит в паху под мокрыми штанами, и его накрывало незнакомое ранее чувство стыда и трясло от ярости.

Какой позор, обоссался от страха, как мальчишка из ясельной группы! Спрашивается, почему Стас так не по-детски наехал?

В том, что номер с пистолетом Олег разыграл не по собственной инициативе, Карен был уверен, а еще прекрасно понимал, что в следующий раз пистолет может оказаться заряжен правильно. От этой мысли только что горевшее от стыда тело похолодело. За что? Разве это он виноват? Это всё Рубцов, козел!.. Зарвался, вообразил себя важной фигурой, другим жить не дает. Депутат, блин... Глава комиссии... А может, Сергей ему завидует? За годы работы в думе Карен приподнялся покруче его... Хотя о его истинном материальном положении Рубцов знать не может: строительные фирмы Карен оформлял на жену, дочку, зятя. На виду только просторная дача и четырехкомнатный пентхаус в элитной высотке. Он бы давно сменил квартиру на большую, но жена уперлась: говорит, что на двоих им этого за глаза. Дочери на свадьбу он подарил пятикомнатную в двух уровнях...

Оганян долетел до дома в рекордное время, выскочил из машины и, не глядя по сторонам, проскользнул в парадную. Консьерж-охранник оторвал взгляд от кроссворда, поздоровался и даже уважительно приподнялся с места, но Карен не удостоил его ответом и почти бегом проскочил к лифту. Охранник с удивлением проводил его глазами: обычно вальяжный и солидный, сегодня депутат выглядел взъерошенным и, кажется, был мокрым с головы до ног...

Доехав до верхнего этажа, на площадку которого выходила одна-единственная дверь в его собственную квартиру, Карен ладонью прижал кнопку звонка и держал ее, пока с той стороны не послышались щелчки открываемых замков. Когда дверь распахнулась, он молча отодвинул в сторону свою тучную супругу и, на ходу сбрасывая с себя одежду, ринулся в ванную.

– Ка-а-ро-о-о! – засемила вслед за ним жена. – Что случилось, дорогой?!

Не отвечая, Карен перед ее носом захлопнул дверь в ванную, открыл кран и встал под душ. Горячая вода смывала липкий пот, зудеть в паху стало меньше. Отвергнув мыло, он схватил гель жены, плеснул немалую толику на мочалку и яростно натер всё тело. Так же рьяно он вымыл голову шампунем, изгоняя запах страха, который, казалось, угнездился в каждой поре его тела. Наконец, выключив кран, он вытерся, напялил просторный махровый халат и прошел в гостиную. Там, распахнув бар, схватил первую попавшуюся бутылку и, не найдя рюмки, приложился прямо к горлышку.

Тут в комнату вошла жена и оторопела, увидев, что Карен пьет прямо из бутылки.

– Ка-а-ро, – удивленно пролепетала она, – почему ты не взял рюмку?

Оганян обернулся и смерил жену полным ненависти взглядом.

– А это что? – спросила она, потрясая его мокрыми брюками и брезгливо потягивая носом.

– Скажи спасибо, что дерьмом не воняет! – с трудом сдерживая бешенство, рыкнул Карен.

Асмик не стала больше расспрашивать и поспешила оставить мужа одного. «Вероятно, у Каро какие-то неприятности, пусть успокоится», – решила она. Асмик имела весьма смутное представление о том, чем занимается супруг, откуда появляются у него деньги, где Карен, по

его собственному выражению, «черпает блага». «Это мужские дела, женщинам в них лучше не соваться», – полагала она. Ее муж уважаемый человек, депутат, ничего для семьи не жалеет – ей достаточно. Она подозревала, что не все дела, которые проворачивает Карен, можно назвать законными, но старалась не задумываться об этом и никогда не лезла к мужу с расспросами, считая весьма мудрой русскую поговорку «Меньше знаешь – крепче спишь».

Еще пару раз хлебнув, Карен, не выпуская из рук бутылки, плюхнулся в кресло и закрыл глаза.

Коньяк делал свое дело: приятное тепло прокатилось по горлу и разлилось в животе, согревая всё тело, недавно дрожавшее от страха. Безудержная злость тоже отступила, давая возможность трезво оценить положение, в которое он попал, и подумать, как из него выбраться.

Самым лучшим, на первый взгляд, казалось радикальное решение проблемы: грохнуть Рубцова. Но это, прежде всего, опасно – тюрьмы Карен боялся даже больше, чем сумы. К тому же, если Рубцова вдруг не станет, еще неизвестно, кому передадут его полномочия... А вдруг комиссию возглавит какой-нибудь идейный дебил? Карен умел договориться почти с любым, но тема скользкая и человек должен очень любить деньги, чтобы так рисковать.

Тут в голову пришла более трезвая мысль: а что если просто отстегнуть половину Сергею, вроде как поделить по-честному?.. Это вариант, может прокатить! Но, взяв деньги, Рубцов наверняка сообразит, что это был не первый пакет подтасованных документов. Ведь не дурак, точно, сообразит... И тогда начнет копать, а там глубина – вдесятером утонуть можно. А если вдруг скажет: «Гони бабло, которое на этих делах срубил»? Столько Карену не вернуть, таких денег у него просто нет: разошлись, рассосались, одна свадьба дочери во что ему обошлась! Хотя, если поднапрячься, можно собрать... И самому остаться с голой жопой?..

Карен матюгнулся вслух и еще пару раз отхлебнул из бутылки.

Коньяк расслабил мышцы тела, но мысли в голове продолжали бешеную скачку, подбирая ему различные, подчас самые фантастические способы решения проблемы. Он отметал их один за другим, пока не остановился на том, который показался самым конструктивным на данный момент.

Ему надо обратиться за помощью к «деловым». Калина, местный авторитет, не раз решал мелкие вопросы через Карена.

Вышедший из тюрьмы в 90-м, Калина среди своих громко называл себя «вором», хотя права на это не имел: никто его на зоне не короновал. Сам Калина считал, что это звание он вполне заслужил, отсидев по разным зонам в общей сложности около двадцати лет.

Карен не состоял у Калины на довольствии. Жадный от природы, авторитет старался избегать лишних трат и уж тем более не засаживал деньги ради перспективы или престижа. В данном случае, считал Карен, это даже хорошо: получается, что вор у него в долгу. Еще один плюс состоял в том, что Калина ненавидел Стаса, который обошел его при разделе сфер влияния и территорий в городе, при этом даже внешне не выказав уважения, которого вор, по понятиям, был достоин. Однако Стасов действовал так умело и четко, что Калине нечего было ему предъявить. К тому же в городе ходили слухи, что Стасу покровительствуют на самой верхушке криминального мира, в столице. Что касается бизнеса, сейчас интересы Калины и Стаса никак не пересекались, но люди знающие считали, что при случае они могут воткнуть ножи друг другу в спину.

Именно поэтому Карену пришло в голову сыграть «втемную», столкнуть двух бандитов лбами – для него это может стать отличным выходом из неприятной ситуации, в которую попал из-за козла Рубцова. Развязав войну между двумя группировками, сам он сумеет соскочить.

Отлично зная Стасова, Карен ни минуты не сомневался, что тот пошлет людей присмотреть за Рубцовым, вот тут и надо будет засветить рядом с Сергеем Калину. Стас подумает, что это вор собирается оттяпать у него лакомый кусок, и тогда...

Решив, что придумал отличную комбинацию, Карен выхлебал остатки коньяка и вскоре крепко уснул прямо в кресле.

Из кафе Сергей возвращался приободренным. Случайная встреча вселила в него уверенность, что он сможет разобраться со всем и, главное, теперь знает, как это сделать.

Докопаться до правды Рубцов хотел не ради справедливости, так же мало его заботили вопросы соблюдения законности и благо ближних. Плевать он хотел на лесопарк, экологию и общее состояние городской инфраструктуры! Проживая за городом, в уютном мирке закрытого коттеджного поселка, он редко сталкивался с бытовыми проблемами горожан и вовсе не ради них собирался уличить Оганяна. Он считал необходимым поставить на место зарвавшегося упыря, посмеявшегося водить его за нос, использовать втемную и «косить капусту» на один карман. Сергея просто распирало от желания раздавить этого гада. Неожиданно ему в голову пришла идея. Нужно турнуть Карена из думы.

Вот это будет настоящая месть, лучше всякой другой!

Прыгая через ступеньку, он взбежал по лестнице, бодрым шагом вошел в свою приемную и, подмигнув Вике, скрылся в кабинете.

Ожидавшая продолжения утренней грозы девушка застыла в изумлении, но, немного подумав, решила, что утренний гнев Рубцова был вызван всего лишь плохим настроением. Мало ли, с женой с утра поцапался? И всё-таки спрашивать о неподписанных протоколах Вика не решилась, а вместо этого набрала номер Карена.

Карен Суменович не отвечал, хотя его телефон не был отключен. С интервалом в десять минут Вика еще дважды попыталась связаться с ним, и всё без результата. «Сам перезвонит, если надо», – решила девушка и занялась текущими делами.

А в это время Асмик, застыв над умолкшим телефоном мужа, гадала, кто такая Виктория... Она не стала будить крепко спящего мужа ради звонка от женщины.

Устроившись за столом, Рубцов порылся в ящиках и вскоре отыскал перечень объектов, которые рассматривались комиссией за последние два года. Дальше он пока решил не копать, всему свое время. Список и так оказался не маленьким. Остальное можно предъявить компаньону позже. Сейчас главное – уличить Карена и обозначить свои претензии, а там видно будет.

Имеющий большой опыт в подковерных делах Рубцов был уверен: если найдутся сфальсифицированные документы, он сможет доказать причастность Оганяна, пусть даже бумаги для комиссии готовил и не он, а другие члены комитета по градостроительству. Сначала Рубцов выписал самые крупные объекты, которые, по его мнению, должны были быть прилично оплачены. Отдельный список рос, и конца не было видно. Прикидывая размеры сумм, пролетевших у него мимо носа, Сергей скрежетал зубами. Злость накрывала тяжелой волной, от раздражения даже голова заболела. Он встал с места, походил по кабинету взад-вперед, потирая виски, а потом открыл дверь в приемную и спросил у Вики:

– Аспирин есть или что-нибудь от головы?

Через пару минут помощница вошла в кабинет с таблетками и стаканом воды на подносе. Осторожно поставив его на краешек заваленного бумагами стола, девушка тихо удалилась, а Рубцов, выпив таблетку, откинулся в удобном кресле и посидел немного с закрытыми глазами. Вскоре он ощутил, что сдавливающий голову обруч боли немного ослабел, и вернулся

к работе.

Ему понадобилось еще два часа, чтобы прошерстить все объекты. К пяти вечера он смог оценить то, что нарыл на Оганяна. Объемы впечатляли. Рубцов даже почувствовал некоторое уважение, но скорее к предполагаемой сумме, а не к своему коллеге.

В полшестого в кабинет заглянула Вика и спросила, понадобится ли еще она сегодня депутату. Он отпустил ее домой, а когда в приемной хлопнула дверь, громко выругался:

– Тварь! С-сука продажная!

Он не сомневался, что Вика активно помогала Карену водить его за нос. Она работает не первый год и не могла проморгать подмену документов. Наверняка получала от Оганяна подачки... Естественно, она понимала, что ее шефа обманывают, но не предупредила... И не только она, еще кто-то должен был знать...

– Совсем страх потеряли! Всех жирный купил! Ну ничего, дайте срок, я и с вами разберусь...

Немного посидев в задумчивости, Сергей рассеянно полистал настольный календарь и резко встал с места. На сегодня у него было намечено еще несколько не слишком важных дел, но сейчас он был не в состоянии думать ни о чём, кроме предательства своего окружения: он всех считал соучастниками Оганяна.

«Лучше поехать домой, отдохнуть как следует, отвлечься, просто поваляться на диване», – решил Сергей. Накинув пальто, он вышел из кабинета и запер за собой дверь.

Очнувшись, Карен потянулся к телефону и увидел несколько пропущенных звонков от Вики. Нажал на ответный вызов и сходу, не здороваясь, раздраженно спросил:

– Слушай, девочка, скажи пожалуйста, зачем ты Рубцову на подпись реальные документы положила?

Вопрос Вики несколько удивил, Оганян не посвящал ее в подробности своих махинаций.

– Карен Суренович, он ведь и съемку визирует. Разве что-то не так?

– Вика, ты дура! Съемка не входит в перечень документов, которые должен подписывать глава комиссии. Только не говори, что впервые это слышишь!

Вика впала в шок. Карен Суренович всегда казался ей человеком веселым, корректным, он никогда не позволял себе так грубо обращаться с подчиненными.

– Ну да, в принципе, съемку визировать не обязательно, – испуганно пролепетала девушка, – но Сергей Александрович...

– Пошел он на..., твой Сергей Александрович! – рявкнул в трубку Карен и отключился.

Вика посмотрела на умолкший телефон и пошла дальше по улице, низко опустив голову.

Что вообще происходит? С утра Рубцов взбесился на ровном месте, теперь Оганян дурой обозвал. Она всегда к нему со всей душой: что-то просил – она делала, а что имела за это? Редкие копеечные премии в кассе да такие же копеечные подарочки от самого Карена? Похоже, Оганян с Рубцовым что-то не поделили... А пошли они оба к черту! Мерзкие депутатишки, один чванливее другого! Чего ради она напрягается на этой проклятой работе, где нужно подлаживаться то под одного, то под другого? Вот забьет на всё и поищет другое место!

Она обернулась к зданию городского собрания и, вытянув руку, сжала пальцы, оставив на свободе один средний. Вот так!

Автоматические ворота скрипнули, раздвигаясь. Заехав к себе во двор, Сергей остановил машину почти у самого крыльца. Lexus жены был припаркован чуть дальше, у клумбы, и уже вымыт. Рядом суетился садовник, наводя окончательный блеск.

«Давно приехала», – сообразил Сергей и вспомнил, что сегодня пятница, а по пятницам Света в институте только до обеда.

– Совсем заработался, потерялся во времени, – пробормотал он, выбираясь из машины и потягиваясь.

Сзади слышалось шлепанье лап по брусчатке, и он едва успел нырнуть обратно на сиденье. Ронни пролетел мимо, затормозил всеми четырьмя лапами и, развернувшись, кинулся приветствовать хозяина. Он топтался у открытой двери, а Сергей обеими руками теребил его за уши, гладил по башке, приговаривая:

– Ты, Ронни, не собака, а чума на четырех лапах... Что, соскучился?

Сверху раздался голос жены:

– И я тоже соскучилась...

Сергей поднял голову. Светлана, навалившись грудью на подоконник, с улыбкой смотрела на него.

– И ты тоже, родная?

Оставив собаку, он поспешил в дом. В холле приобнял вышедшую навстречу жену и чмокнул в ее губы.

– И я соскучился, Светик. В последнее время мы почти не бываем вместе...

– Разве в этом виновата я? – с намеком спросила она.

– Давай разделим вину пополам? – улыбнулся Сергей. – Ты любишь читать по вечерам свои толстые книги, а мне хочется потусить...

Жена недовольно подняла брови:

– Нахватался жаргона в своих компаниях...

– Сегодня я никуда не еду и полностью принадлежу тебе. Может, прогуляемся перед ужином? Дойдем до леса, там сейчас красота...

– Ну что ж, можно.

– Тогда беги одевайся.

– Окей. Ты тоже переоденься в джинсы. Этот костюм тебе очень к лицу, жаль, если испортишь.

Несколько минут спустя в джинсах и теплых куртках они вышли во двор. Позвав Ронни, Сергей прицепил к ошейнику поводок. Сопровождаемые радостно повизгивающей собакой, они вышли за ворота и направились вдоль улицы в сторону леса.

Рубцов шел молча, погруженный в свои мысли, и Светлана уловила его озабоченное настроение.

– Сереж, ты какой-то напряженный. У тебя всё в порядке? – спросила она, заглядывая мужу в лицо.

Сергею никогда не приходило в голову скрывать от жены свои дела. Тем более что ее советы бывали очень полезны, подчас она останавливала его от необдуманных поступков. Поэтому он вкратце рассказал обо всём, что случилось сегодня, опустив описание истерики, в которую чуть не впал. Под конец он поделился планами по выведению Оганяна на чистую воду.

Светлана долго не отвечала, будто обдумывая, что посоветовать. Сергей тоже шел молча. Поделившись с ней информацией, он почувствовал себя несколько увереннее, словно приобрел союзника. Пусть не советчика, но хотя бы единомышленника.

– А ведь ты кое-чего не учел, – медленно проговорила Света, прерывая молчание. – Вернее, кое-кого. Новака. В его цепочке крайний не Карен, а ты. Ты об этом подумал, Сережа?

Сергей замер и уставился на жену. В запале он совсем забыл про Игоря Яковлевича Новака, вице-губернатора, который, в частности, курировал работу депутатов по всей области. Конечно, начальником для Рубцова он не был, прямой подчиненности не существовало. Но реально для Рубцова Новак был боссом. Все в думе знали, что Рубцов – человек Новака и, следовательно, принадлежит к губернаторской команде. Это увеличивало его полномочия и влияние в городских структурах.

С Игорем Новаком Рубцов был знаком очень давно – еще с комсомольских времен, когда тот был секретарем обкома. Уже тогда сложился тандем, в котором Новак играл ведущую роль. «Первого» устраивали беспринципность и всеядность Рубцова, а Сергей в свою очередь, зная, что у Новака в Москве крепкая рука, держался в кильватере и старался быть ему полезным.

В перестроечной сумятице пути их на несколько лет разошлись. Рубцов пошел замом к директору завода, сколотил приличный капитал. Он мог бы заняться коммерцией – время самое подходящее, но это казалось не интересным. Его манила власть, возможность принимать участие в важных решениях. Сессии, заседания думы и комитетов, протоколы, кулуарные интриги – это была его стихия, именно в думе он полностью мог реализовать свое желание манипулировать, влиять, играть людскими судьбами по своему произволу. К этому времени бывшие комсомольские лидеры уже заняли руководящие кресла в областной администрации, и именно Новак помог Рубцову вновь пролезть в депутаты. С тех пор все более или менее значимые действия Сергей согласовывал с Игорем и прилично отстегивал ему от своих прибылей. Но сегодня, в ярости от того, что его так подло «кинули», он совсем упустил из виду своего куратора.

«Света права, – пронеслось в голове, – когда Игорю станет известно об упущенной прибыли, он спросит по полной с меня, а не с Карена. Да что там спросит – он и в порошок стереть может при желании... Поэтому прежде чем предпринимать что-либо, я должен еще раз всё обдумать...»

Лабрадор Ронни радовался совместной прогулке: то убегал вперед, то зависал на месте, обнюхивая и помечая придорожные столбы и деревья. Они продолжали свой путь в сторону видневшегося впереди березняка. Поредевшие кроны белоствольных красавиц слегка трепетали, переливаясь при редких порывах ветра желто-зеленым. Солнце скатывалось за лес, напоследок подкрашивая багрянцем застывшие на горизонте низкие облака. Поверху их контуры светились белым, а дальше небо постепенно обретало холодную осеннюю голубизну.

Но сегодня Сергею было не до восторженного любования картинами природы: он шел, глядя только под ноги, и напряженно размышлял над тем, что предпринять. Теперь он уже не был уверен, что следует начать с мести Оганяну.

– Может, мне не рыть под Карена глубоко? Просто поговорить: пусть поделится прибылью, и закроем вопрос? – озвучил он свои мысли жене.

– А как с лесопарком? – напомнила Света.

– Нет, тут уж пусть включает задний ход. Администрация города ждет согласования думы и наверняка еще ни о каких деньгах не договаривалась. То есть городским убытка не будет. Ладно, – Сергей вздохнул, – раньше понедельника дергаться нечего. Я еще должен в архитектуре получить материалы для подтверждения предполагаемого списка, а после уж подумаю о том, как говорить с Кареном. Нет, ну какой урод! Хапал как минимум два года, а я ни сном ни духом!

Света покивала, крепче обхватила локоть мужа и прижалась к его плечу.

Сергей тряхнул головой, как бы отгоняя неприятные мысли, и, сверху вниз посмотрев на нее, спросил:

– Ну а у тебя на работе что новенького?

Казалось, устремляющийся вдаль темный, узкий, душный коридор никогда не кончится, и Карен неся что было сил. За ним по пятам гнались какие-то люди, но он понятия не имел, кто это. Сзади слышались отборная ругань и клацанье пистолетных затворов. Откуда-то Карен знал, что в конце коридора стоит его новый джип, надо только успеть заскочить в машину, и тогда он окажется в безопасности. Он пытался бежать быстрее, но получалось наоборот, мед-

леннее – ватные ноги совсем не слушались. Внезапно коридор оборвался, однако машины, на которую так надеялся, за ним не оказалось. Где же она? Неужели его любимый джип угнали?.. К страху погони добавилось острое чувство досады: такая машина, совсем новая! Услышав, что преследователи совсем близко, Карен громко заорал и... проснулся.

Медленно приходя в себя, он сообразил, что никакой погони не было, это только сон – на самом деле его любимая тачка стоит на закрытой охраняемой стоянке. Холодная лапа ужаса отпустила сердце, но оно продолжало сильно биться, а во рту пересохло так, что шершавый язык царапал нёбо.

Кряхтя, Карен сполз с кровати и, шаркая, как старик, дотащился до кухни. Не обращая внимания на вопросительный взгляд жены, достал из холодильника минералку и жадно припал к горлышку бутылки. Оторвавшись от нее, облизнулся, пошевелил во рту языком и только после этого взглянул на супругу:

– Ну, чего уставилась?

– Ты так стонал, Каро, так стонал... – Асмик закатила глаза и покачала головой. – Наверно, тебе снилось что-то страшное?

– Ага. Ты, в голом виде, – хохотнул он.

Супруга давно привыкла к подобным грубым шуткам и всё равно, поджав губы, изобразила оскорбленное лицо и демонстративно вышла в гостиную, а Карен вернулся в спальню. Ему был нужен мобильник.

Надо срочно действовать. За выходные Рубцов ничего не сможет выяснить, и до понедельника необходимо подготовиться к его возможным предъявам. В том, что Рубцов представит ему счет, Карен был уверен на все сто, а вот какой – мог только предполагать. Впрочем, претензии Рубцова волновал его значительно меньше, чем грядущая кара со стороны Стаса. В случае неудачи с объектом хозяин натравит на него своего цербера Олега, и кто знает, какую еще шутку тот выдумает?

Вспомнив об идее столкнуть лбами Стаса и Калину, а самому соскочить под шумок, Карен взялся за телефон. Набирая номер вора, он мысленно молил, чтобы тот снял трубку. Ему ответили после девятого гудка.

– Юра, привет! – обрадовался Оганян. – Как дела-делишки?.. Ну и отлично... Ты сейчас в городе, не сильно занят? – заискивающе поинтересовался он и замер, слушая, как собеседник подробно отвечает, где он, что и какие планы на день.

– Я подъехать хотел, поговорить срочно надо.

Получив согласие, Карен облегченно выдохнул: «Окей», отключился и гаркнул:

– Ася, завтракать не буду! Чистый костюм подай!

Ранним утром в субботу город был почти пуст, и до места Карен добрался довольно быстро. Принадлежащий Калине ночной клуб – штаб-квартира авторитета – располагался в центре города и, как только сейчас сообразил Карен, неподалеку от того самого лесопарка, который Стас пытался получить для кого-то под застройку.

На улице перед клубом было тихо и безлюдно, на парковке тоже ни одной машины. Казалось, что и в здании, за закрытыми дверями и тяжелыми опущенными шторами, никого нет. Однако Карен, которому Калина не в первый раз назначал здесь встречу, знал, что впечатление обманчиво. По утрам огромный ночной клуб, имеющий множество подсобных помещений, превращался в место встреч людей из группировки Калины. Сам он приезжал сюда очень рано и почти до самого вечера занимался решением текущих вопросов, порой прерываясь на игру в карты и застолья с обильными возлияниями. Обычно за день он здорово нагружался и покидал клуб еще до его открытия, поскольку на дух не выносил громкую музыку и терпеть не мог толпы вечно орущей танцующей молодежи.

Развернувшись через сплошную двойную, Карен подъехал к шлагбауму, перекрывающему въезд на внутреннюю стоянку. Охранник узнал его машину по номерам и, приветливо махнув рукой, пропустил. За углом обнаружилось с десятков припаркованных иномарок – основная часть команды была в сборе.

Карен еще не успел заглушить двигатель, когда дверь служебного входа открылась, и показался квадратный верзила, который настороженно уставился на тонированный джип. Карен поторопился выйти, охранник расслабился и распахнул дверь пошире. Провожать гостя он не стал, только молча махнул рукой в сторону коридора и опять устроился на своем стуле у дверей.

Коридор был длинный и темноватый. Сердце Карена на миг замерло: вспомнился ночной кошмар. «Все нормально, не мандражируй!» – приказал он себе, глубоко вздохнул и, пройдя еще немного, толкнул распашную двустворчатую дверь. За ней скрывался огромный зал с барной стойкой, пультом диджея и просторным танцполом; вдоль стен в три этажа тянулись балконы со столиками. Карену был хорошо знаком персонал заведения и здешние порядки, он не раз тусовался в клубе по вечерам. На данный момент вокруг танцпола было занято шесть столиков, в зале находилось всего человек пятнадцать. Заметив несколько знакомых лиц, Оганян поприветствовал их взмахом руки.

Юра Калина устроился отдельно, за столиком в дальнем конце зала. Глядя на бледное, с глубокими хищными морщинами лицо авторитета, ему можно было дать лет шестьдесят, хотя совсем недавно он разменял полтинник. Высокий и худощавый, он хвастался, что без диет и тренажеров всю жизнь держится в одном весе. Кося под мафиози, Калина зимой и летом носил одинаковые темные костюмы от Версаче и черную шелковую рубашку без галстука.

За одним столиком с ним сидел молодой человек в сером офисном костюме и докладывал что-то, временами заглядывая в бумаги, лежащие на столе. Увидев, что авторитет занят, Карен притормозил, но Калина кивнул гостю на соседний столик и минуту спустя пересел к нему.

– Привет, Колобок, – с хохотком поздоровался он.

Авторитет пребывал в благодушном настроении – похоже, доклад молодого человека его порадовал.

– Привет, Юра.

Гость сидел напротив хозяина и, желая приблизиться, немного склонился вперед, наваливаясь грудью на стол. В почти пустом зале была прекрасная акустика, а он не хотел, чтобы кто-то знал о теме их разговора с Калиной, уж слишком она была скользкая.

– Ну чё, Колобок, проблемы?.. – вполголоса поинтересовался Калина.

Звонок Карена ранним утром в субботу его порядком удивил. Обычно это он звонил депутату, когда возникали кое-какие вопросы. И сейчас ему было любопытно узнать, что заставило человека, работающего на Стаса и знающего об их непростых отношениях, обратиться за помощью к нему.

– Да, Юра, нарисовалась у меня проблема с коллегой, – Карен решил, что об участии в этой теме Стасова лучше вообще молчать. – Рубцов, знаешь такого?

– Слыхал. Де-пу-тат... – отдельно и чуть насмешливо протянул Калина, а затем, удивленно приподняв брови, уточнил: – Но ты вроде с ним одним воздухом дышишь, или я чего путаю?

Вопросы, с которыми Калина несколько раз обращался к Карену, решал как раз Рубцов.

– Ну да, вместе работаем в комиссии по градостроительству. И вроде всегда всё было ровно. А вчера он, гад, наехал на меня по беспределу. Не догоняю: то ли он бабла хочет, то ли из темы меня выдавить...

Карен остановился, ожидая реакции собеседника, но Калина пока не понимал сути проблемы и ждал продолжения. Депутат вздохнул:

– Ну вот, я и пришел к тебе, за помощью. Может, поговорил бы ты с ним, чтоб успокоился?

Карен умолк. Никак не реагируя, Калина молчал, уставившись на него непонимающим взглядом.

Однако паузу авторитет держал не оттого, что недопонял, о чём просит толстяк. Он пережевывал в мозгу слова депутата, интуитивно почувствовав, что за просьбой может скрываться больше, чем тот озвучил. В таком случае впереди вырисовывалась перспектива выйти на другой уровень общения с властью. Но также не исключено, что Оганян хочет втянуть его в разборку, смысл которой пока не ясен. Конечно, самое простое – послать Карена подальше. Скривиться, покачать головой: мол, лениво руки марать, сам разбирайся. Или спросить в лоб: «А чего ж ты, Колобок, Стаса разобраться не попросишь?» Но Калина нутром чуял: вот он, тот шанс, которого давно ждал, который даст возможность без лишней крови усилить свои позиции в городе.

– Ну ладно, – прервал затянувшуюся паузу Калина. – Только давай-ка поконкретнее: о чём базарить, что ему предъявлять, чего требовать...

– Вопрос о согласовании продажи участка лесопарка на Советской, согласно инвестиционному контракту, который готов подписать город, – проговорил Карен, глядя на собеседника с такой невинной физиономией, словно речь шла о продаже гаража-ракушки.

– О как! – ухмыльнулся Калина. – Так это ж рядом, здесь по соседству!

«Бабло не поделили, – понял он. – А может, и покруче. Карен пытается всё под себя поднять и выдавливает кореша из темы. Ну, мне-то по барабану. Карен предъявляет Рубцу, и я вписываюсь. А дальше по ходу будет видно. Может, это и беспредел, но, если верить этому колобку, никто из авторитетов за Рубцовым не стоит, а остальные мне по фигу. Короче, надо вписываться!»

– Лёва, – повысил голос Калина, обращаясь к молодому человеку, который продолжал сидеть за соседним столиком, ожидая, пока хозяин освободится. – Ты ведь общаешься с нашими народными избранниками? Рубцова знаешь?

Парень поднялся и подошел к их столу:

– Знать знаю, но близко не пересекались. Что-то нужно? Будем искать выходы на него.

– Выходы искать не надо. Стрелку забей. Хочу с ним побазарить, ну, скажем, по поводу...

– Калина вопросительно кивнул Карену.

Тот быстро сообразил:

– Человека на работу устроить!

– На работу так на работу. Без разницы. Договорись о встрече. Только не на его территории. На нейтрале, в кабаке...

– Хорошо, в понедельник я с ним свяжусь. Вообще-то я закончил, Юрий Петрович. Я могу ехать?

Калина кивком отпустил его. Лёва быстро собрал в портфель лежавшие на столе бумаги и, попрощавшись, торопливо покинул зал. Проводив его глазами, Калина снова обратился к депутату и, вновь понизив голос до полупшепота, проговорил:

– А теперь, Карен, распиши мне, в чём загвоздка по этой теме...

Порой Калина с ностальгией вспоминал прежние времена. При коммунистах они бомбили богатых цеховиков и разную зажиточную шушера, ворующую у государства, – гуляли от души! Сразу после перестройки тоже легко всё устраивалось: прижимали торгашей, предлагали «крышу», регулярно «капусту» с них стригли, деньги рекой текли... Своих «братков» Юра лично оделял, честно, по закону – и никакой тебе бухгалтерии, никаких бумаг.

Заделявшись бизнесменом, Калина вскоре понял, что без бухгалтеров ему не обойтись, слишком много всего нажил – поди уследи, чтоб не крысятничали. Да еще законы, которые

меняются чуть не каждый день. Никакой соображалки не хватит понять, чего в них понаписано!

Требовалось найти юриста, и он нанял себе парня молодого, чтоб дешевле. Юра искренне не понимал, отчего крючкотворы так высоко ценят свои услуги. Ну, адвокаты еще куда ни шло: если от суда не отмажут, так хоть срок скостят. Но которые в бумажках копаются – этим-то за что платить?

Недавний выпускник института Лёва, как и многие молодые люди, не отличался большим рвением в работе. Всё, что не касалось его прямых обязанностей, он считал дополнительной нагрузкой и рад был увильнуть от лишних поручений хозяина. Однако когда Калина приказал ему найти выход на Рубцова, парень даже обрадовался. Рубцов был депутатом, представителем власти, он из тех людей, что решают важные вопросы политики и бизнеса. Лёва мечтал и сам когда-нибудь решать важные вопросы: сидеть в кабинете, иметь секретаря-референта и управлять, всё равно чем – об этом он еще не задумывался. Поэтому когда доводилось общаться с представителями власти, Лёве казалось, что он еще на один шагок приближается к своей мечте.

Впрочем, пока он состоял в приятельских отношениях всего с одним членом городской думы – депутатом Татьяной Страховой по прозвищу Таня-Страшила. Прилепившая с детства кличка не ассоциировалась с персонажем из детской сказки, хотя внешне Страхова действительно походила на пугало. Худая как жердь, сорокалетняя и незамужняя, Страшила была угловатой и нескладной, а на ее длинной лошадиной физиономии постоянно витала наглая и хитрая улыбка. Темные глазки-бусинки чуть косили, отчего у любого, с кем она разговаривала, создавалось впечатление, что такая продаст – не дорого возьмет. Таня и правда не страдала высокими моральными принципами и брала недорого – сколько дадут. Ни к какой фракции она не принадлежала, ни в одной комиссии не заседала и посему не имела постоянной «кормушки». Зато она была по-лисьи пронырлива, всеядна как гиена и не упускала даже самой малой возможности откусить от «колхозного пирога». Таня была на короткой ноге со всеми депутатами, а те, хоть и не воспринимали Страшилу всерьез, всё-таки считали ее человеком полезным. Ее можно было задействовать в травле коллеги, заслать «казачком», чтобы выяснить какие-то непонятные обстоятельства. Подстрекаемая депутатской группой, Страшила могла с невинным видом задать неудобный вопрос мэру на встрече с горожанами или тиснуть за своей подписью скандальную статейку в местную газету, обливая грязью «заказанного» ей чиновника или бизнесмена. Коллеги по депутатскому корпусу Таню не уважали, но, зная о ее природной наглости и беспринципности, многие считались с ней и даже побаивались.

Рубцов, будучи человеком осторожным и предусмотрительным, никаких дел со Страшилой не имел, но в мелких услугах старался ей не отказывать и держал в уме как резервный вариант возможного союзника.

Получив от Калины приказ забить стрелку с Рубцовым, Лёва позвонил Страшиле. Выслушав просьбу, Таня стопроцентно гарантировала, что вопрос решит, и обещала сообщить о результатах в понедельник.

Выходные дни Стас старался проводить на природе. Летом чаще всего отправлялся на озеро. Охранники ставили палатки на берегу, и вместе с ними он рыбачил с раннего утра. Прихлебывая сваренную в котелке уху из свежевыловленной рыбы, он любил приговаривать, что такой ни в одном ресторане не подадут. Подчиненным было известно, что хозяин не жалуется ни рестораны с изысканной кухней, ни курорты. За границу он выезжал редко, ненадолго, в сопровождении одного Олега и вряд ли с целью посмотреть чужие красоты и достопримечательности. А вот родную природу Стасов любил. Осенью, когда дождливая и холодная погода не распо-

лагала к ночевкам в палатке, Владимир Иванович просто отправлялся на машине в ближайший лес, прогуляться с ружьем. Он не охотился, да и что можно подстрелить в выхолощенных местных лесах – зверье здесь давно разбежалось от наступающего на опушки города. Грибов он тоже не собирал, но зоркий глаз отмечал даже самый мелкий грибок. Порой, нагнувшись над особо красивым экземпляром, Стас замирал, любуясь и вновь поражаясь, как из ничего, прямо из земли, вырастает еда, белок. Пройдя спецподготовку, включающую курс выживания, Стасов для поддержания сил мог проглотить такое, что никто не посчитал бы за пищу, но грибов не ел – это было известно всем.

Однажды на Кавказе они с Копыловым оказались отрезаны от своих: с одной стороны – пропасть, с другой – боевики, не подозревавшие, что уничтожили не всех. Пока враги прочесывали лес, Стас с Олегом сидели тихо как мыши, забившись в какую-то каменную щель. Прорываться было не с чем, боеприпасы закончились, рация села сразу после того, как передали координаты.

Здорово они тогда влипли... Два сухпайка растянули на пять дней, а помощь всё не шла. Рядом ни ручейка, ни лужицы. Смахивали в кружки крупные капли утренней росы, таблетки от обезвоживания немного помогали, но пить-то хотелось! Когда на шестой день вдруг пошел сильный дождь, они готовы были кричать от счастья, но, конечно, не кричали, чтобы не обнаружить себя. В четыре руки растянули бушлат, с его желоба в узкий котелок струйкой стекала драгоценная вода. Потом подставили второй, а когда и он наполнился, жадно вылебали оба и еще успели впрок воды набрать. Без пищи, как известно, можно прожить сорок дней, но, поджев последние крошки пайка, они уже были готовы совершить отчаянную попытку «штыком и лопатой» прорваться через отряд вооруженных до зубов врагов, которые обстоятельно устроились лагерем в каких-то ста метрах ниже, на открытом пологом участке. На вершину, заканчивающуюся обрывом, боевики больше не поднимались – к чему зря ноги ломать среди камней да деревьев? Стас с Олегом день и ночь наблюдали за противниками, прикидывали так и этак, и всё равно получалось, что живыми им не выйти, да что там, даже ни одного караульного внезапно не снять: всё просматривается, не подползти скрытно. Оставалось ждать помощи, которая вряд ли придет, и тихо умирать с голоду.

Но вдруг наутро после дождя на почти голых камнях (земли здесь было маловато) высыпали грибы: пузатые, с морщинистыми густо-коричневыми шляпками. Сказав, что белые можно есть сырьем, Владимир первым проглотил гриб. Поглядев на командира, Олег последовал его примеру. Белых было полно, только руку протяни. Съели штуки по три – вкуса почти никакого, но не гадость; затем Стас тонко нарезал несколько грибов и разложил ломтики на камне, чтобы подсохли, пока солнышко. Скрутившиеся кусочки приобрели настоящий аромат и вкус, их можно было сосать или жевать, а еще размачивать в воде и хлебать вместе с жижей, почти как суп.

Их выручили на одиннадцатый день. Вернее, в плановом порядке было принято решение уничтожить лагерь засевших в горах боевиков. На последний призыв Стасова по рации командование не среагировало, посчитав нецелесообразным ради двух человек ввязываться в серьезный бой.

С тех пор ни Стас, ни Олег не ели грибов. Ружье в лес Владимир Иванович прихватывал, потому что был уверен: среди деревьев и без оружия он будет чувствовать себя голым. Привычка присматриваться, оценивать окружающую обстановку, в любую секунду вскинуть ствол и выстрелить была у него в крови. Впрочем, он давненько не стрелял на поражение, всё больше ради тренировки. На эти загородные вылазки обычно прихватывалось несколько кусков толстой финской фанеры. Один из охранников наострился малевать на них человеческие силуэты со страшными рожами. После прогулки устраивалось развлечение: стрельба по мишеням. Стас стрелял виртуозно, он неизменно попадал в алые кружки посередине лба и в районе сердца нарисованной цели.

Олег знал, где может застать командира в середине субботнего дня, поэтому приехал прямо на поляну – там в последнее время устраивала тир команда Стаса. Завидев помощника, Владимир Иванович передал ствол стоявшему наготове охраннику и направился к застывшему на опушке Копылову. Заговорил еще на подходе:

– Ну, нарыл что-нибудь на Рубцова?

– Да так, по мелочи, – скромно пожал плечами Олег. Он никогда не преувеличивал свои успехи – знал, что командир не любит пустозвонов.

Глядя, как упражняется в стрельбе его команда, Стас присел на пенек. Олег устроился рядом на корточках.

– Рассказывай.

– Итак, что я узнал, – обстоятельно начал Олег. – В депутаты Рубцов избирается третий раз. Деньги у него имеются.

Стас вопросительно поднял брови.

– Он местный завод продал, на пару с директором, это еще до того, как мы здесь обосновались. Кому сколько досталось, не выяснил, но, ясное дело, немало. Так что в деньгах фигурант не нуждается.

– Скажи еще, что mzды не берет...

– Конечно берет, никогда не отказывается! Но исключительно через чужие руки. А главная фишка в том, что Рубцов – человек Новака. Только ему отчитывается, только его слушает. Долю наверх засылает исправно.

– А вот это уже интересно! – оживился Стас. – Живет где?

– Дом в Западном поселке. Ребят на точку я поставил, дня два-три попасут его. Живет с женой, сын за границей, учится. Охраны нет, один садовник в сторожке на участке. По бабам депутат шарится редко, в постоянных связях не замечен. Бухает в меру, но любит тусить по кабакам.

– Говори по-человечески, знаешь ведь, не люблю я жаргон, – поморщился Владимир Иванович, задумчиво потирая ладонью подбородок. – Так это что ж выходит: губернатор встрял в нашу тему?

– Сомнительно, – помотал головой Олег. – Не тот масштаб. Для Новака тоже мелко. Городская земля – это вопросы местных, губернаторских тут только доля может интересоваться.

– Тогда кто?

– Черт его знает. Кто угодно... Может, Рубцова прижать слегка? Говорят, он ссыкливый.

– Ну да, чтобы и Новак, и вся свора губернаторская за него на нас поперла? Погодим. Пока последи за ним, пробей по всем возможным каналам. Может, проявится что-то... А там будем решать. Я вечером позвоню нашим друзьям, скажу, что сроки переносятся на две недели. Они всё равно за бугром, будут только в начале следующего месяца. Скажу, что в городской администрации утверждают новый градостроительный план. Впрочем, такие мелочи их вряд ли интересуют, им подавай результат... А ты, Олег, пока прощупывай Рубцова.

Стас встал с пенка, попрощался с Олегом за руку и отправился стрелять дальше.

Утро в понедельник выдалось теплым и солнечным. После месяца холодных затяжных дождей пришло бабье лето, которого уже и не ждали. Всё вокруг дышало удивительным осенним покоем, вчерашняя унылость природы улетучилась вместе с дождями, уступая место празднику золотой осени.

Обычно Сергей выезжал из дома затемно, старался быть пунктуальным, чтоб подчиненные не расслаблялись, но сегодня банально проспал, чего с ним не случалось, пожалуй, со времен студенчества. Проведя выходные дома с женой, он отлично отдохнул, прекрасно выспался,

чувствовал необычайную бодрость во всём теле и общий прилив сил. Бреясь и глядя на свое посвежевшее лицо, он подумал о том, что иногда не вредно на время отказаться от ночных развлечений в клубе и поздних ужинов с возлияниями.

У собрания было непривычнолюдно. Обрадовавшиеся хорошей погоде коллеги не торопились войти в здание. Собравшись группами на просторном крыльце и возле него, они курили, обсуждали последние городские сплетни и перемывали кости товарищам. Сергей пробирался к входу, попутно отвечая на приветствия, когда его окликнула Таня-Страшила.

Он обернулся, она мигом оказалась рядом, ухватила его за локоть и, увлекая за собой, быстро начала толковать про какую-то встречу. Сергей ничего не понимал, даже подумал, что в пятничной суматохе он пропустил заранее назначенную беседу, и лихорадочно пытался вспомнить, что было записано на пятницу у него в ежедневнике. Но постепенно до него дошел смысл Таниной болтовни: кто-то хочет с ним встретиться и непременно сегодня.

– Пусть приходит к двум, я его приму, – небрежно бросил он назойливой коллеге.

– Да нет, Сереж, ты не понял. Это солидный человек, он приглашает тебя на деловой обед, – тараторила Таня, выпучивая свои косоватые глазки.

Рубцов поморщился. Хорошо, что не очередной ужин. Понимая, что Страшила не отвяжется, он остановился и спросил:

– Тань, да говори толком, без этих твоих красноречивых намеков. Что за человек? Что ему нужно от меня?

Не моргнув глазом, Страшила выдала:

– Калинов Юрий Петрович. Ему надо помочь устроить человечка в администрацию, и он хочет обсудить это тет-а-тет.

– Калинов... Калинов... – фамилия показалась знакомой, и вдруг лицо Рубцова слегка вытянулось: – Это Калина, что ли?

– Ну да, – с невинным видом подтвердила депутатка, – наш местный авторитет, а ныне уважаемый бизнесмен.

Сергей мысленно чертыхнулся, хотя в прозвучавшей просьбе нельзя было усмотреть что-либо необычное. Скорее наоборот. Люди, обращавшиеся к нему по шкурным вопросам, чаще всего предпочитали встречаться в общественных местах. Это было удобно и просителям, и депутату: можно обсуждать любые темы, не боясь, что тебя подслушают или, дай бог, запишут разговор. Однако личность просителя... С Калиной Рубцов никаких дел не имел и, в принципе, иметь не собирался. Впрочем, подвоха от встречи с ним вряд ли стоит ожидать. Сергей вообще не опасался бандитов – они ходили разными дорогами, практически не пересекаясь.

– Где он предлагает встретиться? – спросил Рубцов, кидая взгляд на часы.

– На Зеленой, в ресторане «Прага». В два часа.

– Хорошо. Буду.

Кивнув Страшиле, Сергей вошел в здание.

Глядя ему в спину, Таня мысленно потирала руки. Вот как удачно сложилось: удалось прямо с утра срубить денежку. Мелочь, а всё-таки... Курочка по зернышку клюет...

Она тут же набрала номер Лёвы. Тот как раз явился в клуб для доклада. Получив известие от Страшилы, он подтвердил, что за ним должок, и, отключившись, направился к столу, за которым, задумчиво тасуя колоду карт, сидел хозяин.

Калина уже не раз проворачивал в уме информацию, полученную от Оганяна, и чем больше думал, тем больше убеждался: депутат что-то не договаривает.

– Всё в порядке, Юрий Петрович, – доложил ему Лёва. – Рубцов приедет. Встреча в два часа, в «Праге».

– Вот и ладушки, – Калина кивнул Лёве, что тот свободен, и подозвал здоровущего парня в обтягивающей футболке: – Рома, поедешь со мной в «Прагу» на BMW, подстрахуете с Бобом в зале. Надо к обеду поставить там где-нибудь рядом фургон: может, клиента «прокатить»

придется. А сейчас дуйте на место и осмотритесь. Колобок может темнеть, так чтобы мне там без проколов.

Проходя через приемную, Рубцов сухо поздоровался с Викой, мысленно обозвав ее предательницей. В кабинете, усевшись за стол, он, чтобы не забыть, сделал в календаре пометку на 14:00: «обед», а затем снял трубку с городского телефона и набрал номер правового отдела администрации.

Ответила секретарь. Рубцов спросил, может ли он поговорить с Инной Алексеевной. На том конце запиликала синтезированная мелодия, и почти сразу ответил приятный женский голос. Сергей по привычке скроил дружелюбную физиономию и радостно заговорил в трубку:

– Инночка, привет! Это Рубцов тебя беспокоит с утра пораньше. Давно не общались...

Далее последовали взаимные вопросы о здоровье, супругах, успехах детей.

Рубцов рассказал о сыне. Ясное дело, они со Светой рады, что Сашка в Лондоне учится, но как-то тоскливо стало без него в доме. Собака, и та скучает: никто с ней не поиграет, не поносится. По вечерам тихо, и не на кого наорать, чтоб выключил свою идиотскую музыку...

– Сашка поклонник стиля техно, – пояснил Сергей, – знаешь, это техно любой дурак изобразит, немного наловчившись на синтезаторе: повторяющаяся без вариаций тема, выводящий из себя ритм и жуткие завывания... Челюсти сводит, ей-богу! А твоя Марина таким не увлекается?

Выслушав, что Марина увлекается в основном отечественной эстрадой, правда, это не намного лучше, Сергей решил, что момент как раз подходящий, и поинтересовался:

– Как она там, в архитектуре, прижилась? Всё в порядке?... У меня тут приватный вопросик возник, я бы лучше к ней обратился, чем к начальству. Ты мне дочкин телефончик не дашь?

Просьба Инну Алексеевну несколько не удивила, она продиктовала номер, который Сергей тут же записал на мобильный. Быстренько закруглив разговор с приятельницей, он набрал Маринин номер.

Поздоровавшись и представившись, Рубцов сходу предложил девушке встретиться в известном ей кафе. На том конце возникла секундная заминка, а потом прозвучало:

– Хорошо. Минут через двадцать?

«Интересно, что она вообразила?» – усмехнулся Сергей, отключая трубку.

К приходу Марины Рубцов уже успел заказать две чашечки кофе, и когда девушка торопливо вошла и присела за стол, спросил с улыбкой:

– Коллеги не удивились, что ты внезапно удрала?

– Я сказала, что в Генплан пошла, но времени у меня немного.

– С такой симпатичной девушкой я бы с удовольствием просидел здесь до самого вечера, – галантно начал Сергей, – но, к сожалению, сегодня весь день расписан. Мне нужна твоя помощь, Марина, – приступил он к делу, переходя на серьезный тон. – Требуется проверить соответствие некоторых участков, согласованных под застройку комиссией думы, вернее, сравнить адреса в протоколах с их истинным расположением на карте города. Это моя личная, приватная просьба. Я понимаю, работа большая...

Он достал два исписанных листа бумаги и передал их Марине. Та внимательно просмотрела список и, пожав плечами, ответила:

– Поскольку тут есть адреса с кадастровыми номерами, с ними будет несложно. Я просто ввожу номера в программу, и она автоматически отметит участки на карте. Вот только с распечаткой проблема – объем большой, а у нас всего один принтер. Ну а те адреса, где кадастровые номера не обозначены, я проверю вручную и отмечу в вашем списке. Правда, у меня сейчас полно основной работы, так что раньше, чем через пару дней, вряд ли получится.

– Пару так пару, – согласно кивнул Рубцов, радуясь тому, что решение наметилось так легко, и добавил: – Распечатывать не надо, перегони карты с координатами на флешку. И остальное можешь в электронном виде сделать, если тебе не трудно.

Девушка сказала, что ее это нисколько не затруднит и вообще она рада быть полезной Сергею Александровичу, поскольку до сих пор чувствует себя ему обязанной. Рубцов взмахом руки прервал ее излияния и напомнил:

– Только это между нами, да? Ну, беги, Мариночка, а то тебя наверняка уже ищут.

По пути в офис Сергей подумал, что пришло время поговорить с Кареном. Интересно послушать, как идет «проверка документов» по лесопарку и что он вообще будет плести по этой теме.

Войдя в приемную, он поинтересовался у Вики:

– Карен Суренович не заходил?

– Сергей Александрович, а он заболел. Звонила жена, сказала, что у него высокая температура.

Сергей прекрасно понимал, какая болезнь свалила коллегу: «Дома решил отсидеться, гад, паузу взял. Ну-ну, Каренчик, лечись. А тем временем Марина мне отчет о проделанной работе представит».

Рубцов был уверен, что чем больше фактов подтасовки нарочит Марина, тем проще ему будет разговаривать с Кареном. В голову вдруг пришло, что он поступил опрометчиво, вернув коллеге документы по лесопарку. Теперь он даже не может узнать реквизиты заказчика и понять, кто стоит за этой аферой.

Сергей поработал с текущими бумагами до половины второго, когда вспомнил о встрече в ресторане. Предупредив помощницу, что отправляется обедать, он покинул здание городского собрания. Решил пройти пешком, благо недалеко и погода чудесная – жаль упускать последние теплые денечки.

На улице сияло ласковое солнце, а в зале, куда он вошел, царил полумрак; Сергей даже не сразу разглядел, что посетителей здесь всего трое. Учитывая обеденное время, это казалось удивительным. Впрочем, ресторан не из дешевых, вряд ли сюда заглядывают клерки из соседних офисов.

Два молодых крепких парня, сидевших за столиком у входа, уставились на Рубцова, будто рентгеном просвечивая. «Охрана», – понял он. Еще один человек вальяжно развалился в кресле у столика в глубине зала. Сергей уверенно направился к нему через зал. Калина вежливо приподнялся, слегка улыбнулся и, внимательно глядя в лицо депутата, протянул руку:

– Юрий Петрович.

– Сергей Александрович.

Обменявшись рукопожатием, они устроились за столом. Про себя Рубцов отметил, что устрашающего впечатления Калина не производит. Мужик как мужик. Хорошо за пятьдесят. В приличном костюме. Если бы не наколки на каждом пальце (выходит, восемь судимостей), его можно было бы принять за владельца продовольственного рынка или какого-нибудь кафе. Впрочем, кажется, городской рынок принадлежит именно Калине и этот ресторан, скорее всего, тоже...

А Калина со своей стороны оценивал депутата, соображая, как построить разговор с этим ффраером.

Официант принес меню, хозяин предложил вначале сделать заказ, а уж потом говорить о делах. Однако Сергей, несмотря на голод, есть отказался. Под пристальным взглядом Калины он испытывал непонятный дискомфорт и что-то вроде чувства зависимости. Сидящий напротив человек буквально давил одним своим присутствием, и Рубцов вдруг ощутил, как похолодела спина. К черту, не будет он обедать в этом заведении!

– Мне чашку кофе, – сообщил он официанту и пояснил Калине: – Простите, обедать не могу, очень занят сегодня. Давайте приступим к делу. О чём вы хотели со мной поговорить?

Калина слегка нахмурился. А парень-то борзый. За одним столом есть не хочет, а это не по понятиям. Значит, дружить не желает... Эх, в другом месте его бы за это...

Калина допил свой кофе, на поверку оказавшийся чифирём, и откинулся в кресле, не сводя с Рубцова холодных стальных глаз.

– Я много слышал о вас, Сергей Александрович, – медленно начал он, – но как-то всё не срасталось познакомиться.

Вкрадчивый голос собеседника, его буравящие глаза сильно напрягали Рубцова. Он был счастлив, что не знал Калину прежде. Он вообще не видел пользы от подобных знакомств и уже жалел, что так опрометчиво согласился на встречу. Только ведь Таня-Страшила не отстала бы. И предлог об устройстве человечка в администрацию наверняка надуманный. Дело в чём-то другом.

Хлопнула входная дверь, Сергей машинально обернулся и увидел молодого человека в спортивной куртке и с мобильником в руке. Он внимательно осматривал зал, будто искал кого-то. Бугаи у входа синхронно встали ему навстречу живой стеной, сказали несколько слов, и молодой человек, пятясь, поторопился покинуть ресторан.

«Больше посетителей не будет», – понял Сергей, и его беспокойство усилилось. Зал, защищенный тяжелыми шторами от всего белого света, вдруг показался вовсе не безопасным местом, возникло странное ощущение, будто он в мышеловке. В чём всё-таки дело? Разве пустяшные переговоры ведут с такими мерами предосторожности?

Авторитет тоже обратил внимание на двери и молчал, пока его охрана не удалила парня, и только после продолжил:

– Так вот, у меня есть друзья, которых очень интересует строительный бизнес в нашем городе.

Сергей сделал удивленное лицо. Он не стал напоминать собеседнику о заявленной теме разговора, прекрасно понимая, что это был лишь предлог, он просто хотел спросить, какое отношение к строительному бизнесу имеет он, Рубцов.

Однако Калина предупредил его вопрос:

– Впрочем, непосредственно стройкой они не занимаются, скорее, инвестируют в строительство. Покупка земли под застройку, оформление участков, финансирование – вот сфера их интересов в этой области.

«Во как наблатыкался! – мысленно похвалил себя авторитет. – Чешу, как на этом... экономическом форуме».

Сергей начинал понимать, куда клонит Калина. К нему не раз обращались с просьбами помочь получить определенный участок земли, не безвозмездно, однако он всегда сворачивал такие беседы, изображал непонимание и виртуозно переводил стрелки на Оганяна. Никто не мог похвастать тем, что когда-либо лично давал Рубцову «на лапу», хотя он прекрасно понимал, что это секрет Полишинеля и разговоры о его продажности были, есть и будут. Узнав о предательстве Карена, он не собирался отсылать к нему клиентов, пока не разберется, на сколько именно компаньон его кинул. Но больше ссылаться было не на кого, и Сергей решил, что в данную минуту важнее отвертеться и поскорее закончить неприятный разговор. Разбираться будем потом.

Поэтому, не дожидаясь, пока авторитет озвучит свое предложение более конкретно, Рубцов предельно вежливо заверил его в полном своем расположении, но с этим вопросом попросил обратиться к депутату Оганяну.

Услышав его ответ, Калина криво ухмыльнулся, и это Сергею очень не понравилось. Ему вдруг стало ясно, что Оганян, как посредник, этих людей не интересуется. Отчего-то им нужен именно он, Рубцов.

Не обратив внимания на прозвучавший отказ, Калина продолжил:

– На данный момент нас очень интересует пустующий участок между улицами Советской и Зеленой. Нам известно, что скоро он будет выставлен на торги, и именно от вас, – на последнем слове он сделал особое ударение, – мы хотели бы услышать, когда будет подписано согласование.

Сергей буквально остоленел. Его не удивило бы пожелание приобрести любой другой участок, пусть сомнительный и проблемный... Но то, что темой встречи с авторитетом оказался именно тот объект, который не давал ему покоя в последние дни, выглядело подозрительным совпадением.

– Ну, чего завис, депутат? – резко сбросил с себя маску уважаемого бизнесмена Калина. – Язык проглотил?

Сергей молчал, лихорадочно соображая, от кого мог получить информацию этот бандит. Если это уровень его помощницы, то можно наплевистить Калине о нестыковках в документах или о необходимости дополнительной проработки вопроса, а вот если его слил Карен, то придется придумать что-то более убедительное, весомое. Да, скорее всего, это Оганян. Тогда лучше говорить реальные вещи, чем потом спалиться на мелочах. Приняв решение, Рубцов заговорил официальным тоном:

– Юрий Петрович, к сожалению, я вынужден вас огорчить. Этот участок не будет выставлен на торги. Мы не можем игнорировать мнение избирателей, тем более когда речь идет о вопросах, связанных с экологией.

Он понимал, что несет дикую чушь, но в сложившейся ситуации не успевал придумать более приемлемый повод для отказа.

Калина начал терять терпение. За щеками заходили желваки. «Что о себе думает этот фразер? Оказался бы со мной в одной камере – я бы его для начала загнал под шконку, а потом сдавал его задницу корешам в аренду...»

– Ты, слуга народа, слушай сюда и отвечай. Вопрос простой: на сколько у вас тянет эта тема с землей?

Рубцов вдруг сообразил, что авторитета не интересует сам участок, он просто получил информацию о сделке и решил вклиниться в тему. Именно в этот момент он понял, что серьезно вляпался. Надо было что-то отвечать.

– Мне это неизвестно. Меня использовали втемную. Этот объект я вычислил случайно...

Калина продолжал смотреть тяжелым взглядом:

– Ты чё, оглох? Я спросил, сколько земля стоит.

Рубцову хотелось поскорее закончить этот разговор, он понимал, что просто вывернуться не удастся, и выдал, преодолевая себя:

– Двенадцать-пятнадцать миллионов.

– Деревянных?

– Долларов.

Сумма Калину явно поразила:

– Это чего – только в вашу контору?

– Конечно нет: это на круг, у нас осядет два-три, не больше.

Сергей не лукавил, но на всякий случай назвал минимальный уровень взятки. Мысли металась в голове, он принялся торопливо пояснять:

– Поймите, это ведь не простой объект. Общественность города еще до торгов наверняка встанет на дыбы, там ведь лесопарк.

– Кого и когда это останавливало? – ухмыльнулся Калина. – Лесопарк... Лес там есть, это правда, а вот парк будет или не будет – это как потом новые хозяева решат. Ладно, пока речь не о березках. После подписания кто тебе бабки заносит? Оганян?

Авторитет уже просёк схему, и уточнял он так, для порядка.

А Сергею было всё равно. Десять минут разговора вывернули его наизнанку, и он просто кивнул.

Калина немного помолчал, что-то обдумывая, и наконец сказал:

– Пока к тебе всё, депутат. Веди себя тихо, про наш базар никому: помни о родных. Люди к тебе подойдут – всё подпишешь. А за бабло не переживай, свою долю получишь. Всё. Иди, трудись на благо...

Он едва заметно кивнул, отпуская Рубцова, сделал знак своим быкам у дверей, и Сергей на слегка дрожащих ногах направился к выходу.

Выполняя поручение Стасова, Олег установил за Рубцовым круглосуточное наблюдение. Два человека из его команды отслеживали все перемещения депутата и докладывали о каждом его шаге.

Получив сообщение, что Рубцов зашел в калиновский кабак, Олег сразу подъехал на место. Появление фигуранта в этом заведении могло оказаться простым совпадением, но он привык лично проверять любые подозрительные факты.

Он послал одного из ребят в ресторан выяснить, с кем обедает Рубцов, но того мигом выдавили два бугая, сторожившие на пороге пустого зала. Парень не успел разглядеть лица тех, кто сидел в дальнем конце.

Припарковав свою машину неподалеку от входа, Олег дождался появления Рубцова и сделал вывод, что обед не пошел тому впрок. Если судить по неестественно бледному лицу и нетвердой походке, клиента кто-то сильно напугал.

Отправив своих людей продолжать слежку, Олег остался у ресторана, решив на всякий случай проверить заведение. Он уже собирался выйти из машины, когда на крыльце появились двое парней, поозирались и замерли по сторонам от двери. Олег узнал охранников Калины и, хотя вряд ли кто-то из них мог знать его в лицо, решил из машины пока не выходить. Тут появился и вор собственной персоной.

Выходит, Рубцов встречался с самим Калиной? Интересно было бы знать, о чём они беседовали и почему депутат выкатился из ресторана с такой странной рожей...

Размышляя, как это выяснить, Олег дождался отъезда Калины с сопровождающими и неспешно направился к дверям. Почти сразу у входа его перехватил официант и предложил занять столик, но Олег попросил пригласить администратора. Тут выяснилось, что администратора сегодня вообще не было. «Скорее всего, этот халдей – единственный свидетель тайной встречи депутата с Калиной», – понял Олег.

Быстро оценив тщедушного официантика, Копылов решил сработать под мента. Небрежным движением он достал из кармана фальшивое, но отлично сработанное удостоверение сотрудника ГУВД и представился по форме. Официант явно занервничал, но лжеполицейский тут же успокоил его, сказав, что требуется всего лишь проверить некоторые факты. Уставившись на парня сверлящим взглядом, Олег поинтересовался, кто только что вышел из ресторана.

– Так это наш хозяин, Юрий Петрович...

– Он с кем-то обедал? – продолжал допрос Копылов.

– Этого человека я не знаю. Да они и не обедали. Так, чай-кофе за разговором... – явно нервничая и не глядя в глаза, ответил парень.

– О чём разговаривали, слышал?

– Нет, я далеко был, но, по-моему, несколько раз прозвучало слово «участок».

Этого Олегу показалось вполне достаточно. Он милостиво кивнул официанту:

– Свободен, о моем визите никому.

«Даже если сейчас Калине сообщат, что им интересовались менты, то не беда, – думал он, покидая ресторан и равнодушно проходя мимо своего «Лексуса». – По липовой ксиве с левой

фамилией им меня не вычислить. Машину ребята потом перегонят, мало ли тачек паркуют в этом районе...»

После перекрестка Олег поймал такси и поехал к хозяину.

Стас всегда тщательно планировал операции и требовал, чтобы его планы были исполнены в точности. Его собственная жизнь тоже была построена по плану и подчинялась точному, раз и навсегда установленному графику. Олег наизусть знал распорядок дня командира, поэтому ему не требовалось звонить Стасову и выяснять, где его найти, он просто посмотрел на часы и назвал таксисту адрес.

В это время Стас ежедневно обедал в своем ресторане. На первый взгляд заведение казалось самым обычным: просторный зал с тремя десятками столов, стойка бара, приличная кухня. Но с тыльной стороны здания имелся вход в особое помещение для хозяина, обставленное строго, но очень дорого. Здесь подавали блюда, приготовленные по-домашнему, в меню никакой иностранщины, всё питательно и вкусно. Повариха, добрая дебелая тетка, готовила только для Владимира Ивановича и его гостей. Стасов не любил обедать в одиночку, почти каждый день он собирал за столом своих приближенных и редких друзей.

Когда появился Олег, обедать уже закончили, все разошлись. Оставшийся за столом Стасов беседовал с директором ресторана. Поздоровавшись с Олегом, директор, по знаку хозяина, тут же удалился.

– Есть будешь? – поинтересовался Стас.

Олег покачал головой:

– Разве что попозже. Появилась информация.

– Хорошая?

– Как сказать... Рубцов встречался с Калиной в «Праге». Говорили о земле.

Стасов удивленно вскинул брови:

– Ты что, за одним столом с ними сидел?

Олег ухмыльнулся:

– За столом не сидел, зато, когда они из ресторана вышли, я официанта тряхнул слегка. Толком он ничего не слышал, но то, что про землю базарили, – это точно.

– Ты в ресторане засветился? – недовольно спросил Стас.

– Да ерунда, я знал, что там никого из посетителей. В зале темно и пусто. С официантом сработал под мента, и думаю, он выложил всё, что мог. Кстати, свою тачку мне пришлось возле ресторана бросить, завтра ребята заберут, а пока я без колес.

– Возьми машину Алексея. Так что ж получается: это Калина нам сделку ломает? Совсем с головой вор не дружит... Только непонятно, зачем ему этот участок – очередной рынок развернуть? Земля не дешевая, а если учитывать возможные разборки, то вложения и через десять лет не окупись.

– А может, он и не ждет никаких разборок. Если он зацепил Рубцова и собирается провернуть всё через него, в обход нас?..

Стас нахмурился, серые колючие глаза сверкнули из-под бровей:

– В обход нас? Откуда он может знать, кто заказчик?

– Реквизиты в документах, – предположил Олег.

– Подставная фирма, там ему концов не найти. Единственная реальная фигура – это я.

– Но об этом знает только Оганян, поэтому не срастается. Если бы Карен вас сдал, Калина скорей начал бы переговоры, а не лез нахрапом.

Стасов прищурился, обдумывая, и кивнул. Ему было известно, что по «воровским понятиям» существовал особый алгоритм решения проблемы. Вначале «предъява», обозначение претензий, и лишь после того как переговоры заходят в тупик, допускаются любые методы, самые наглые и жесткие.

– И еще один момент, – продолжил Олег. – Когда Рубцов вышел из ресторана (а он вышел первым, один), то был сам не свой. Бледный, чуть не шатался. Похоже, Калина жестко пресанул депутата.

– Вот как?

Стас немного помолчал и, подводя итог, приказал продолжить наблюдение за Рубцовым и Калиной. Олег распрощался и вышел.

Оставшись один, Владимир Иванович приказал подать чая с мятой и, прихлебывая потихоньку, продолжал мысленно анализировать полученную от Олега информацию и привязывать ее к событиям последних дней.

Четкая, отлаженная в течение нескольких лет схема дала сбой, и именно в тот момент, когда документы на чрезвычайно интересующий его крупный участок были уже на выходе. Стасов знал, что решение любого вопроса, в конечном счете, упирается в деньги. Выходит, на каком-то этапе произошел сбой, кто-то вклинился в схему, пытается изменить правила игры и оттянуть на себя часть дохода от сделки? Для самого Стаса комиссионные от таких сделок, хоть и немаленькие, не являлись самоцелью. Его планы были намного масштабнее и рассчитаны на перспективу. Пока он старался притянуть в город крупный капитал и добивался, чтобы это осуществлялось именно через его связи и компании. Далее, выступая гарантом вложений для солидных столичных бизнесменов, он предполагал получить возможность управления огромными капиталами и тем самым занять главенствующее положение в городе.

Время, когда всё решалось силовыми методами, безвозвратно ушло, теперь всё решали связи и деньги, но сейчас, размышляя о сложившейся ситуации, Стас склонялся к мысли, что Рубцова всё-таки придется прижать – если не для решения проблемы, то хотя бы для получения достоверной информации.

А еще Стас подумал, что зря доверял Оганяну: скорее всего, тот затеял свою игру. Тряхнуть его хорошенько? Да толстяк что угодно может наплести, объясняя, почему не уложился в сроки! Больше-то ему пока предъявить нечего... А проверить, говорит ли Оганян правду, без Рубцова невозможно. Выходит, всё-таки придется начинать с Сергея Александровича...

Стас невольно поморщился: перспектива разборок с людьми губернатора ему совсем не улыбалась. Подтянуть чужих, чтобы не засветиться? Нет, это лишнее время и возможная утечка информации. В таком деле нужны надежные парни.

Стасова поджимали сроки и обязательства перед солидными людьми, а он застрял на первой стадии работы. После согласований гордумы дальнейшее прохождение документов можно считать делом формальным: плати – и вперед!

«Процесс следует ускорить, – принял решение Стас. – И начать с Рубцова».

Выйдя из «Праги» после беседы с Калиной, Сергей, будто сомнамбула, прошел пару кварталов в противоположном от городского собрания направлении, завернул в какой-то двор и опустился на обшарпанную скамью возле детской площадки. Будь он в нормальном состоянии, ему бы и в голову не пришло усестись в дорогом костюме на сомнительной чистоты скамейку, рядом с которой кучей громоздился не поместившийся в треснувшую урну мусор: пивные бутылки и банки, пластиковая тара, фантики, окурки... Но он не замечал ничего вокруг. На площадке гомонили дети, бабушки кудахтали над ними, ограждая от возможной опасности: вдруг с качелей упадут или с горки неудачно съедут? Молодые мамы, привычно покачивая коляски, болтали по телефону...

Ничего этого Рубцов не видел, он сидел оцепенев, уставившись глазами в одну точку, а в голове крутилось глупое, но такое подходящее в его ситуации: «Куда ни кинь, всюду клин».

Он не мог заставить себя подняться и вернуться в офис. Утреннее воодушевление, результат полноценного воскресного отдыха и хорошей погоды, улетучилось, уступив место полному упадку сил. Сергей понимал, что попал в крутой оборот: бандиты шутить не любят.

Как авторитет сказал?... «Помни о семье...» Господи, они могут захватить в заложники Свету, и что тогда делать?

А может, доложить о заварившейся каше Новаку, перевалить груз проблем на плечи старшего? Это выход. Если к делу подключатся люди из области, то об угрозах воров можно будет забыть. Ну да, от этой беды его прикроют, зато отвечать перед Новаком и теми, кто стоит за ним, придется... Выплывет, сколько денег прошло мимо «кассы» областной власти, последует «разбор полетов», выявят все его проколы... Придется расплачиваться за ротозейство, деньгами расплачиваться... Ну, эти хоть не убьют и родных не тронут. О том, что кто-то может затеять прокурорскую проверку и возбудить дело о коррупции в особо крупных размерах, Рубцов даже не думал. Такое в области не допустят, уж больно тесно все повязаны. А на деньги выставят, это и к гадалке не ходи.

Суммы могут оказаться впечатляющими, но не это угнетало Рубцова, а потеря доверия. Уберут из комиссии, наверняка уберут – у Новака рука жесткая, такого «косяка» он не простит. И что дальше: прощай депутатский мандат, прощай положение в городе, прощай влияние и власть? Пусть небольшая, но власть, а ведь со временем он надеялся обрести власть более весомую, и именно при поддержке Новака...

Терзания Рубцова прервал телефонный звонок. Это была Марина. Голос девушки звучал бодро:

- Сергей Александрович, добрый день! Я закончила работу, могу отчитаться.
- Так быстро? – вяло удивился Рубцов.
- Я думала, вам срочно, и поэтому поработала в выходные.

Рубцов почти забыл о списках, которые передал дочери своей приятельницы, в данную минуту его волновали более серьезные проблемы, но документы, изобличающие подтасовки Оганяна, всё равно лучше иметь на руках. Поэтому он ответил, постаравшись придать голосу искренность:

- Молодец, Мариночка. Спасибо тебе большое. Ты сейчас где?
- На работе, но могу подскочить в кафе. Вам это удобно?
- Конечно, – подтвердил Сергей, поднимаясь со скамьи.

От этого места до кафе пешком добираться было далековато, поэтому, выйдя на улицу, он поймал какого-то частника и уже через пять минут сидел за столиком, ожидая Марину.

Девушка появилась, сияя улыбкой. Похоже, она очень гордилась тем, что справилась с поручением, и даже досрочно.

Сергей похвалил ее, еще раз назвал молодцом и вручил коробку конфет, которую только что купил тут же, в кафе, у стойки. Марина хотела что-то объяснить, рассказать, как работала, но он, сославшись на занятость, оставил ее с чашкой кофе и пирожным, предупредив, что всё оплачено.

В приемной Вика начала было говорить о каких-то людях, которые приходили и не застали депутата на месте, но Рубцов махнул рукой, останавливая её: всё потом, сейчас он занят.

У себя в кабинете Сергей уселся в кресло, бросил на стол темный файл с несколькими листами бумаги и флешку, которую вручил Марине при первой встрече. Он не торопился смотреть ни то, ни другое. Если придется звонить Новаку (а придется, и подсознательно он уже решил), то собранные Мариной доказательства обретают другое значение – выставляют напоказ его полную несостоятельность в кресле главы комиссии по градостроительству. С другой стороны, любопытно было узнать масштабы подтасовок Карена и хотя бы приблизительно прикинуть, на сколько кинул его компаньон. Глубоко вздохнув, Сергей вставил флешку в гнездо компьютера.

Едва начав просматривать собранные Мариной сведения, он сразу оценил, с какой добросовестностью девушка выполнила его поручение. К каждому участку прилагалась карта

топографической съемки, несоответствующие кадастровые номера были подчеркнуты: таким образом все «левые» объекты выявлялись без труда, и сразу становилось понятно, что без подтасовки комиссия вряд ли согласовала бы эти участки. Бумаги в файле тоже оказались составлены обстоятельно. Марина внесла в список дополнительную информацию, поэтому и без электронной топосъемки Сергей мог обнаружить подозрительные объекты.

Удобно откинувшись в кресле и забросив ноги на стул, Рубцов с карандашом в руке углубился в чтение. Внимательно просматривая списки и сверяя кадастровые номера, он попутно делал пометки на полях и только качал головой от удивления, насколько нагло действовал Карен за его спиной. Примерно через час работа была завершена, и можно было прикинуть суммы взяток по каждому объекту. Конечно, точных цифр он знать не мог, но для предъявы Карену и приблизительных хватит. Сергей уже положил перед собой лист бумаги, чтобы, сверяясь со своими пометками, сделать предварительные вычисления, но вдруг осознал, что на сегодня с него достаточно. Усталость навалилась внезапно, как тяжелое душное одеяло. Кинув взгляд на часы и увидев, что скоро шесть, Сергей решил, что вполне может ехать домой. Сунув в карман флешку и прихватив списки, составленные Мариной, он покинул кабинет.

Светлана еще не вернулась с работы. Это отчего-то всерьез расстроило. Пошатавшись по дому, поклевав то, что нашел в холодильнике (ведь так и не пообедал!), Сергей выпил чашку чая и, дойдя до гостиной, рухнул на диван. Он чувствовал себя выжатым как лимон и настолько измотанным, что сил оценивать происходящее с ним, думать о дальнейших шагах, которые следует предпринять, у него не имелось. Он просто лежал, закрыв глаза. На краю сознания мелькали какие-то смутные мысли, но ни одна из них не могла оформиться до конца... Незаметно для себя он провалился в забытие.

Его разбудили легкие шаги. Спросонья он немного испугался, но, открыв глаза, тут же расслабился: над ним, улыбаясь, стояла Света. Жена присела рядышком и нежно коснулась рукой его лба, отводя растрепавшиеся во сне волосы.

– Как дела, родной? Ты что-нибудь выяснил?

Сергей перехватил руку жены и коротко поцеловал в ладонь. Самый близкий человек, только она способна понять, только с ней можно поделиться... А поделиться было необходимо, чтобы самому еще раз, как бы со стороны, оценить происходящее.

Заняв более удобную позу, Сергей начал рассказывать о том, что случилось сегодня. Света слушала его молча, лишь иногда удивленно вскидывала брови и покачивала головой. Выговорившись, Рубцов почувствовал некоторое облегчение: казалось, что он переложил часть проблемы на чужие плечи. Ну и что? Света – его жена, а женам по штату положено разделять тяготы мужа. Правда, не все на такое способны...

– Ты должен сейчас же позвонить Новаку, – впервые Света не действовала намеками, а будто приказала. – Иначе это может кончиться очень плохо.

– Может, лучше завтра с утра? – возразил Рубцов. Ему хотелось оттянуть неприятное объяснение хотя бы на ночь.

– Нет, сегодня. Еще не поздно, скорее всего, он до сих пор на службе.

Скрепя сердце, Сергей взял мобильник и нашел нужный номер. Жена деликатно вышла из комнаты, пока он сбивчиво и невнятно докладывал своему шефу о том, что за его спиной прокручивались махинации с подтасовкой согласуемых участков, а теперь местный авторитет вклинился в одну тему и прессует его, дело дошло до угроз. В конце спросил, следует ли ему ехать в центр, чтобы доложить всё более подробно.

– Ну, ты нагородил, – немного помолчав, ответил Новак. – Я, честно говоря, даже не всё понял. Но объяснять не надо, нечего эфир засорять. Завтра сам приеду, разберусь на месте, что у тебя там творится. Подготовь документальные подтверждения. Всё, что имеется.

Новак повесил трубку, а Сергей утер вдруг выступивший на лбу пот.

Весь понедельник Карен промаялся. Поручив жене сообщить Вике о его болезни, он ждал звонка от Рубцова, однако телефон молчал. Не имея представления о том, что происходит в кабинете главы комиссии по градостроительству, Оганян сильно нервничал, буквально не находил себе места. Придумав, как надавить на Рубцова, и подключив к этому делу бандитов, он предполагал, что либо они, либо он как-то проявятся, дадут знать о себе.

Жена позвала завтракать, но Карен задумчиво поковырял вилкой в тарелке и раздраженно ее отодвинул. Обычно любивший плотно и вкусно поесть, сегодня он потерял аппетит.

Все его мысли были заняты предстоящими разборками. Пытаясь получить хоть какую-то информацию, Карен под надуманными предлогами начал обзванивать коллег-депутатов, только никто из них в этот день с Рубцовым не общался и ничего о нем сообщить не мог. Карен включил телевизор в спальне, пощелкал по каналам, но то, что показывали в ящике, не могло отвлечь от тревожных мыслей.

Кое-как он проглотил обед, притом, когда Асмик спрашивала, вкусно ли, не слышал ее вопросов. Весь день Оганян провел в угнетенном состоянии, никто его так и не побеспокоил. Он пытался убедить себя, что это хороший знак, однако не получалось. Ему хотелось быть в курсе того, что происходит за стенами квартиры.

Ближе к вечеру он не выдержал и набрал номер Калины. Авторитет не ответил. Выждав пятнадцать минут, набрал еще раз и услышал знакомый хрипловатый голос:

– Привет, Колобок.

– Привет, Юра. Как наши дела?

– Наши? – насмешливо переспросил Калина. – А ты чё, в компаньоны ко мне затесался?

Возникла пауза. В замешательстве Карен не знал, что сказать, и с трудом выдавил:

– Ну... Я о Рубцове, был с ним разговор?

– А, ты об этом... – с нарочитым безразличием протянул Калина. – Да, я встречался с Рубцовым, перетерли с ним. Всё будет в порядке. Я его за тебя попросил, он вроде согласился. По-моему, человек с понятиями, найдем общий язык.

Карен рот разинул от удивления. Это Рубцов с понятиями? Что-то тут не вяжется. Либо Калина не разговаривал с Сергеем, либо сейчас пытается его развести. Только чего ради?

Оганян был уверен, что авторитет не мог узнать об истинных масштабах финансовой составляющей в истории с участком лесопарка. Он рассчитывал, что Калина окажет помощь в ответ за прошлые услуги и его вполне устроит обычное в таких случаях вознаграждение. Или всё-таки решил развести? Убеждая себя, что это не так, Карен поинтересовался:

– А конкретно он сказал, когда подпишет?

– Ты что, так сильно торопишься? Подпишет. Пока мы просто поговорили, без сроков. Но думаю, что на неделе тема будет закрыта.

– Хорошо. Так когда мне перезвонить?

– Я сам тебя наберу. Ты вообще где?

Карен насторожился. Вопрос был не то чтобы необычный, но прозвучал как-то слишком заинтересованно, поэтому он соврал:

– Да я тут отъехал ненадолго. В городе буду через пару дней.

– Ну, тогда до связи, – Калина отключился.

Сам факт разговора с Калиной немного успокоил Карена, хотя ясности и определенности не добавил: всё-таки оставались сомнения, что дело разрешится благополучно. И сроки... Стас дал ему неделю, и, судя по тому, что сказал по телефону Калина, он успевает, но вдруг?... Со сроками нужно подстраховаться, придумать приемлемую отмазку для Стаса. Типа делаю всё, что могу, процесс идет, но нужно время... Только для чего оно нужно? Со Стасом туфта не

прокатит, необходимо выстроить четкую причинно-следственную цепочку, которая оправдывает задержку...

При одном только воспоминании о Стасе и его одетом в черное помощнике Карена пердернуло, в желудке возникло неприятное ощущение пустоты.

«Вот вляпался... на ровном месте», – подумал он и, решив, что пустоту надо чем-то заполнить, отправился на кухню, к своей кормилице.

Несмотря на то, что в квартире было полно места, Асмик целые дни проводила на кухне. В гостиную и кабинет мужа она заглядывала только чтобы вытереть пыль, в спальне попусту не валялась, в бывшей дочкиной комнате ей тоже было нечего делать. А вот просторная и отлично оборудованная кухня была ее царством. Асмик до сих пор с удовольствием вспоминала, как они с мужем пригласили дизайнера в новую, еще пустую квартиру, и тот притащил с собой кучу альбомов с фотографиями интерьеров и собственные эскизы. Асмик выбрала самый шикарный, самый дорогой кухонный гарнитур, а Карен сказал, что оплатит всё, что она пожелает. Как не ценить такого щедрого и заботливого мужа!

Помимо кухонной стенки, оборудованной по последнему слову техники, посередине кухни располагался стол-остров со столешницей из настоящего камня, его можно было использовать и для готовки, и для еды – вокруг высились четыре барных стула. Но коротконогий Карен не любил взбираться на них, предпочитал есть за овальным столом, расположенном в другом углу. Телевизор был подвешен так, чтобы смотреть его было удобно и кушая, и готовя. В одной из стен, стеклянной от пола до потолка, имелась дверь, ведущая на просторную террасу на крыше дома. Эта терраса была предметом особой гордости Асмик: стеклянный стол и удобные кресла из искусственного ротанга, которые не надо прятать от дождя; сундук из того же материала, где она хранила мягкие подушечки и пледы; качели под тентом, цветник... А еще – крошечный огород, где она своими руками выращивала зелень: кинзу, петрушку, шпинат, базилик, салаты. Зелень, продающуюся на местном рынке, Асмик считала несвежей.

Когда Оганян вошел на кухню, его жена плавно помешивала ложкой в стоявшей на плите кастрюле и не отрываясь смотрела на экран. По телевизору шел очередной сериал: какой-то смуглый тип нервно объяснялся с весьма симпатичной девицей. Страсти кипели нешуточные и настолько поглощали Асмик, что она даже не заметила появление мужа.

Карен невольно усмехнулся: жена всерьез переживает по поводу того, чем закончится ссора киногероев. «Счастливая! Мне бы ее проблемы...»

– Ау! – окликнул он. – Мы ужинать сегодня будем или нет?

Супруга будто очнулась, перестала помешивать ложкой, обернулась и принялась смущенно оправдываться:

– Засмотрелась... Такая трогательная история. Он подозревает ее, ревнует. А она ждет ребенка, но ему решила об этом не говорить. Собирается уйти, не хочет жить с таким сумасшедшим ревнивцем... Сейчас, Каро, я только накрою, у меня всё готово...

Оганян наблюдал за суетящейся женой, завидуя ее глупости и беззаботности. На столе появилось горячее овощное рагу айлазан, одобренное большим количеством зелени и чеснока, тушеные баклажаны с помидорами, золотистые рулетики кяты. Всё это были любимые кушанья Карена, только нынче, погруженный в свои мысли, он поглощал их безо всякого удовольствия. Супруга, сидящая напротив, изредка взглядывала на него, но в основном была поглощена телевизором. Он вдруг подумал о том, что ему неплохо бы действительно на некоторое время свалить из города, от греха подальше. И жене тоже лучше уехать. Хорошо, что дети отдыхают за границей, а ее можно отправить в область к брату, тем более что сама давно просилась.

– Асмик, – оторвал жену от экрана Карен.

Она удивленно взглянула на него. Муж редко называл ее полным именем, обычно предпочитал простоватое русское Ася.

– Ты не хочешь прокатиться к брату на недельку?

– С тобой? – переспросила она.

Карен покачал головой:

– Нет, одна. Мне надо уехать на несколько дней по работе.

– Когда ты едешь?

– Не знаю, наверное, завтра. И тебе лучше уехать завтра с утра.

– С утра не получится, – заныла жена. – Собраться надо, подарки купить, не с пустыми же руками в гости ехать?

Карен нетерпеливо пожал плечами:

– Чего там тебе собираться? На бал, что ли? А подарки... Брату коньяка пару бутылок подаришь, у меня в баре целая батарея. Его жене какие-нибудь духи из своих запасов, за счастье почтет. Детям денег дашь, рады будут без памяти. Просто завтра машина в центр поедет, тебя с комфортом до места довезут.

Насчет машины Карен соврал, но договориться с кем-нибудь, чтобы отвез жену, не проблема, зато для Аси железный аргумент: она терпеть не может общественный транспорт.

Асмик любила своего брата, и они давно не виделись. В отсутствии дочери жизнь ее протекала очень скучно, поэтому, услышав, что ее доставят до места, она тут же забыла про сериал. Как только муж закончил ужинать, она отправила грязные тарелки в посудомойку и побежала готовиться к поездке.

«Одной заботой меньше», – подумал Карен, рассеянно глядя на экран: теперь там стройная мулатка показывала, как похудела при помощи чудодейственного пояса; на фото для сравнения в углу экрана была явно не она. Затем появился мужик, превратившийся из пузана в подтянутого красавца. Купить, что ли, или хоть жену заставить носить?

О чём он думает, когда надо определиться, где пересидеть? Впрочем, что гадать, у Сашки имеется недостроенный дом в новом коттеджном поселке. Как раз то, что надо. Жителей пока нет, везде снуют строители. Хотя друг на время заморозил стройку, они не раз бывали там с компанией. Карен знал, что в доме имеются все удобства и минимальный набор мебели.

Он набрал Сашин номер, и они быстро договорились. Друг был рад оказать услугу и ни о чём не расспрашивал, по-видимому, решив, что тут дела амурные. За ключами Карен обещал заехать с утра, а пока, успокоенный, отправился спать.

Но хорошо выспаться не удалось: он ворочался с боку на бок, задремывал на время и вдруг опять просыпался от непонятного тревожного ощущения. Это привело к тому, что он начал сомневаться в правильности принятых решений и уже почти раскаивался, что связался с Калиной.

Утром он встал с постели в дурном настроении. Асмик в предвкушении поездки порхала по кухне, готовя ему завтрак и что-то напевая, даже телевизор не включила. Карен вспомнил, что еще надо машину ей устроить, и позвонил в гараж городского собрания. Один из трех водителей согласился подработать – он точно знал, что первая половина дня у него свободна.

Отправив жену к брату, Карен поехал к Саше. Встретились возле его дома.

– Привет! – хохотнул друг, обнимая Оганяна.

Саня был известным шутником и любил нарочито коверкать слова, считая, что таким образом поднимает настроение окружающим.

– Привет, дорогой, – ответил Карен. – Как дела?

– А у тебя как? Нормально? Вижу, от своей решил отдохнуть?

– Типа того, – Карен не собирался распространяться о том, для какой цели ему нужны ключи от дома друга.

– На, держи, – протянул связку Саня. – Холодно станет – отопление можно запустить, котел работает.

– Ты только не свети меня. Если что, мы не встречались.

– Само собой, – хитро улыбнулся Саша.

– Ну, бывай, – протянул руку Карен.

Распрощавшись, друзья направились каждый к своей машине.

Оганян не собирался сразу ехать на чужую дачу, прежде он решил покрутиться в городе: может, удастся что-нибудь выяснить. Для начала депутат покати́л в сторону собрания.

Саня из своей машины внимательным взглядом провожал друга, гадая, с чего он вдруг так резко переменялся. Обычно веселый и общительный, сегодня Карен был немногословен и выглядел погруженным в себя, даже подавленным. «Может, и правда, семейные проблемы? Да ладно! Если он налево гуляет, это проблема для Асмик, ему-то чего страдать? Надо бы поспрашивать людей, может, кто-то что-то знает...»

Саша привык быть в курсе всех дел. Чрезвычайно общительный человек, он имел массу связей в среде местных чиновников и депутатов и помогал одним своим знакомым решать вопросы за счет других. Собственно, это и было основным источником его заработка: сводя людей, он встревал в различные темы и извлекал выгоду для себя.

Перебирая в уме, кто может знать о том, что случилось с Оганяном, Саша почти сразу подумал о Тане-Страшиле и тут же набрал ее номер. Оказалось, что Таня тусит у собрания. Договорившись с ней о встрече, Саша поехал в ту же сторону, что и Карен.

Оганян, как депутат со стажем, имел ключи от черного входа в здание собрания. Он частенько пользовался этой дверью, когда не хотел светиться у главного крыльца и привлекать к себе внимание. Сегодня этот ключ опять пригодился. Карен хотел пообщаться с Викой, и не по телефону. Он уже забыл, что наорал на нее в пятницу, да и вообще никогда не принимал в расчет обиды таких мелких сошек, как помощники депутатов. Оставив машину на соседней улице, он подошел к зданию собрания с тыла и нырнул в черный ход. По пожарной лестнице, которой никто не пользовался, он поднялся на второй этаж, юркнул в свой кабинет и запер дверь на ключ. Тяжело рухнув в кресло у стола, немного подумал, снял трубку внутреннего телефона и набрал номер юристов:

– Привет, Аннушка, это Оганян.

Девушка на другом конце провода радостно защебетала. Некоторое время назад у нее с Кареном случился небольшой, ничем не кончившийся роман – возможно, она надеялась на продолжение? Оганян прервал ее, не дослушав:

– Аннушка, не в службу, а в дружбу. Я на больничном, а на моем столе лежат документы по Зеленой. Скажи Вике, пусть возьмет ключи у охраны и отнесет папку Рубцову. Сделаешь? Спасибо, дорогая.

Вику, которой Аня тут же передала поручение, несколько удивило, что Оганян сам ей не позвонил, но она списала это на то, что депутату всё-таки стало стыдно после пятничного разноса на ровном месте.

Отпирая дверь, она думала, что заходит в пустой кабинет, поэтому, увидев Оганяна за столом, застыла в дверях, выпучив глаза, будто увидела привидение.

Карена позабавила ее физиономия, он усмехнулся и сказал:

– Дверь закрой.

– К-к-карен Суменович, мне Аня... – запинаясь, начала Лена.

– Успокойся, всё правильно, я вначале позвонил Ане, а потом решил сам заехать.

Услышав спокойный голос депутата, Вика несколько пришла в себя и даже попыталась вымученно улыбнуться.

Карен гостеприимно указал помощнице на стул, та послушно присела напротив него.

– Ну, рассказывай, как тут у вас дела? – прищурившись, уставился Карен в лицо девушке.

– Всё нормально, Карен Суменович, работаем.

– Сергей Александрович на месте?

– Да, он у себя в кабинете.

– А вчера он что делал? Как вообще день прошел?

– Как обычно, с документами работал, мотался куда-то. Уехал обедать, и не было долго, вернулся почему-то бледный и мрачный...

– Мрачный?.. А про эти документы не спрашивал? – Карен кивнул на лежавшую перед ним папку.

Вика отрицательно помотала головой.

Карен задумался: «Значит, тишина, и не спрашивает. Странная позиция... Может, разговора с Калиной всё-таки не было? Но Сергей ведь должен был понять, что совершил ошибку, вернув документы по лесопарку? И, конечно, сейчас он их не получит...»

Карен спрятал папку в ящик.

– Вика, я пока на больничном. Ты меня не видела, договорились? А то еще скажут, что просто сачкую.

Тон депутата звучал заговорщицки, и Вика улыбнулась:

– Конечно.

– Ну, беги, работай. Пока.

Вика вышла из кабинета, понимая, что Оганян устроил это неспроста, тем более папку Рубцову не передал, а спрятал в стол. Просил не говорить, что она его видела. Ну и не будет. Ей-то какое дело!

Оставшийся в кабинете Оганян задумчиво сидел, задвигая и выдвигая ящик письменного стола, куда кинул злополучную папку.

Непонятное затишье, очень странное. Что же задумал Рубцов и почему ходил вчера с перекошенной мордой? Может, что-то узнал от сотрудников, готовивших документы, а может, наоборот, ничего не узнал...

В своих людях Карен был уверен. Им нет смысла его сдавать, да и опасно. Они кормились с его рук и все были замазаны в подтасовке документов. Скорее всего, мрачное настроение Рубцова – результат встречи с Калиной. Тот сказал, что они просто мирно поговорили. А если не просто? Если Карен недооценил авторитета, а тот решил вести свою игру и предъявил Рубцову совсем не то, о чём его просили? Вика сказала, что настроение у Сергея испортилось после обеда и он задержался дольше обычного. Точно, во время обеда он мог встретиться с Калиной...

Решив, что здесь ему больше нечего делать, Карен вышел из кабинета, запер дверь и бочком просочился к пожарному выходу.

Как только он скрылся, со стороны парадной лестницы в коридор вошел Игорь Яковлевич Новак. И тут же, будто по волшебству, местные депутаты высыпали из своих кабинетов. Каждый, подобострастно заглядывая в глаза, норовил поздороваться за руку с вице-губернатором.

В областном правительстве именно Новак отвечал за депутатский корпус, он согласовывал кандидатуры на выборы и обеспечивал победу на них.

Чиновник медленно продвигался к кабинету Рубцова, широко улыбаясь и отвечая на приветствия.

– Уф, еле к тебе пробился, – громко выдохнул он, входя в кабинет. – Они у вас что, целый день в коридоре толкуются? Когда работать успевают?

Сергей не поддержал шуточный тон Новака. Приезда начальника он ожидал всё утро, предвидя неприятные объяснения и серьезный разнос. «Я предвкушаю столько бед, что наименьшей будет плаха», – крутилось в голове неизвестно откуда.

– Здравствуйте, Игорь Яковлевич, – официально поприветствовал он Новака, выходя из-за своего стола.

Вице-губернатор пожал протянутую руку и машинально огляделся, посчитав, что в кабинете есть кто-то посторонний, – ведь они с Сергеем сто лет были «на ты». Никого не найдя, он вопросительно уставился на хозяина кабинета:

– Та-а-ак, ситуация сложнее, чем я предполагал.

По тому, как Рубцов его встретил, по напряженному голосу опытный чиновник угадал, что Сергей сильно мандражирует.

Снимая пальто и пристраивая его на вешалку у двери, Новак пожаловался:

– Что-то устал я с дороги. Пусть твоя девушка кофейку сделает.

Он походил по кабинету, пока Рубцов отдавал приказание Вике, поглядел в окно, обернулся, поинтересовался из вежливости:

– Как Светлана, как сын?

– Всё в порядке, – унылым голосом ответил Сергей.

Игорь не счел нужным его подбадривать – нечего расслабляться, коль дел наворотил. Когда Вика принесла кофе, он поблагодарил ее и остался стоять с чашкой в руках. Прихлебывая, проговорил:

– Итак, рассказывай, что тут у тебя творится.

Рубцов принялся рассказывать, подробно, но немного сбивчиво. Попутно он начал было давать оценки и высказывать предположения, но Новак на это никак не реагировал, и Сергей решил, что лучше излагать только факты.

Казалось, вице-губернатор слушает его невнимательно: просто прихлебывает кофе и время от времени заинтересованно поглядывает в окно. На самом деле Новак просто привык не высказывать чувства сразу, хотя рассказ Рубцова вывел его из себя, внутри постепенно закипала злость. Совсем зарвались, депутатишки доморощенные! Миллионные сделки проворачивают, обманывают избирателей... Впрочем, честность по отношению к избирателям Новака волновала не больше, чем Рубцова или Оганяна. Деньги огромные, но это вопрос второй... А вот то, что посторонние пресуют его людей и посягают влиять на законодательную власть, заботило его гораздо больше.

Конечно, в области тоже были свои криминальные авторитеты, ныне превратившиеся в крупных бизнесменов. У самого губернатора имелись с ними коммерческие интересы, и у Новака тоже. Но те авторитеты всегда с уважением относились к высшей областной власти, в работу простых чиновников вмешивались только до известных пределов, а если покушались на большее, то обращались наверх, высказывали предложения и оговаривали суммы. Здесь же вырисовывалась совсем другая картина. Какой-то неизвестный местный бандюган нагло поставил его человеку свои условия, да еще угрожает!

Рубцов продолжал что-то лепетать, Новаку это надоело.

– Хватит. Что ты им ответил?

– Кому? – не сразу понял депутат.

– Хрену моему! – раздраженно бросил Игорь. – Бандитам. Твой подельник меня мало волнует. С ним разобраться легче всего.

– Ничего я им не ответил. Сказали ждать гонца от них, с документами.

– По-твоему, что они знают?

– Мне показалось, практически всё. Судя по вопросам, которые мне Калина задавал...

– Я полагаю, о том, что в вашей лавочке на лапу берут, известно всему городу. Но ты говоришь, он и деталями владеет?

– Ну да, буквально в курсе всего.

– В таком случае выходит, что кто-то из твоих играет с ними на одну руку или специально их подтянул.

Сергею такая мысль в голову не приходила – не до того было. Страх перед всеми, чужими и своими, мешал хладнокровно проанализировать ситуацию. Всё, на что его хватило, – это оценить размер ущерба, и сейчас он гадал, как бы поаккуратнее преподнести это Новаку. Список подтасованных участков он держал в руках, там уже были вставлены предполагаемые цифры упущенной прибыли.

– Хорошо, давай посмотрим, что там твой Карен наворовал, – сказал Игорь Яковлевич, беря документы и усаживаясь в кресло у окна.

Когда глаза Новака забегали по строчкам, его лицо буквально сразу стало мрачнеть и вытягиваться. Скоро он забыл, что только что его возмущал наезд на депутата, попытка давления на власть. Теперь на первое место встали деньги. Приблизительные суммы, полученные Кареном, поразили даже повидавшего всякое бывшего комсомольца. Вице-губернатор сумел мысленно представить размах афер компаньона его ставленника и оценить то, как тот четко всё организовал.

Прочитав бумаги, Новак поднял глаза на Рубцова, и тот чуть не отшатнулся: лицо вице-губернатора было каменным. В этот момент Сергей понял, что легко ему не отделаться.

– Это всё? – мрачно спросил Новак.

– В общем, думаю, да. Тут за два года. Можно еще за предыдущие покопать, но тогда было проще, земли «чистой» хватало.

– Ну ладно, будем считать, что тут всё... Ты вообще представляешь, как это можно вернуть? Куда Оганян мог такие бабки воткнуть незаметно?

– Не представляю. Может, налом хранит?

– Хорошо, если так, – нервничая, взъерошил волосы Новак.

Данный жест был совсем не в его стиле, обычно он держал себя так, будто на него устремлены объективы фотоаппаратов, но на минуту Новак потерял контроль над собой, представив, какие деньги проплыли мимо рук. Проблема Рубцова отошла для него на второй план. К тому же он понимал: ситуация может повернуться так, что для общественности придется искать крайнего. Вот пусть им и станет Сергей. Если – не дай бог! – поднимется скандал, который нельзя будет погасить обычными административными методами, можно всё свалить на Рубцова и отдать его на съедение. Сам виноват! А пока пусть служит. Сейчас главное – отбить деньги, и желательно без огласки.

Новак строго посмотрел на Сергея:

– Где сейчас этот деятель?

– Болеет.

– Чего? – возмутился Новак. – А ну-ка, давай, звони ему. Скажешь, есть серьезный разговор.

– С тобой?

Игорь удивленно выкатил глаза:

– Еще чего! С тобой конечно. Послушаем, что он будет лепить, а там решим. Закажи еще кофе.

Сергей выглянул в приемную, попросил Вику сделать кофе, а после набрал номер Оганяна. Трубку тот не снял.

– Не отвечает, – пожал он плечами, виновато глядя на Новака.

– И что? – раздраженно бросил тот.

– Думаю, надо подождать. Может, и правда, болеет?

– Или умер, а может, сбежал?.. Всё возможно. Шустрый он у тебя очень, судя по цифрам.

Новак встал, подошел к вешалке, взял в руки пальто:

– Можешь кого-нибудь послать на поиски этого типа?

– Водителя можно...

– Вот его и пошли. Пусть на квартиру съездит. Если дома нет, пусть с людьми поговорит: с соседями, друзьями. Короче, пусть покрутится и найдет.

Вызвав водителя по телефону, Сергей вышел в приемную дать ему инструкции. Когда вернулся, Новак, уже в пальто, сидел в кресле и опять изучал список.

– Игорь Яковлевич, а как же быть с лесопарком? – решился спросить Сергей. – Дело-то нешуточное.

– С лесопарком? По деньгам договоримся – и подпишешь.

В уме бывший комсомолец уже подсчитывал, сколько получит за эту сделку. То, что всё так закрутилось, уже начинало ему нравиться. При таком раскладе упущения местных депутатов и администрации можно обернуть себе на пользу. Прижать их всех, содрать деньги, а потом на них же и свалить. Новак мысленно потирал руки от удовольствия. Но Рубцову на прощание руки не протянул.

– Пока всё. Я сейчас в администрацию. Ты занимайся своим коварным другом, а часов на семь устрой-ка сауну.

Новак вышел, Рубцов остался в кабинете один. По первой реакции вице-губернатора у Сергея сложилось впечатление, что его сольют первым, но на душе немного отлегло. Карен рано или поздно найдется, и теперь, когда с него сняли ответственность за принятие решений, да еще сауну поручили устроить, появилась надежда, что всё как-нибудь рассосется.

Он еще немного посидел, продолжая оценивать реакцию Новака, и решил лично съездить в СПА-центр, заказать сауну. Конечно, это можно было сделать по телефону, но после тяжелого разговора Сергею хотелось немного развеяться. Он бы и пешком прогулялся, только расположен СПА-центр далековато от центра.

Выйдя из здания, Сергей свернул к стоянке. Пройти к ней мешал стоявший под углом к тротуару черный легковой фургон. Обходя его справа, он услышал, как его окликнули сзади:

– Сергей Александрович!

Рубцов даже не успел обернуться. На голову обрушился удар, в глазах потемнело, и он потерял сознание.

Возле стоянки было пусто, и никто не видел, как двое парней быстро пихнули депутата в фургон, и автомобиль, быстро набирая скорость, понесся по улице.

Из продовольственного бутика Карен вышел довольный и повеселевший. Он капитально затарился изысканными закусками и спиртным и предвкушал, что не будет скучать на чужой даче. На заднем сиденье его джипа лежали ноутбук, DVD-плеер, несколько дисков с фильмами и парочка книг на всякий случай. С таким запасом Карен мог всерьез залечь на дно. Это его даже забавляло, всё было как в кино про американских мафиози.

В доме у Сани оказалось холодновато. Спустившись в подвал, гость запустил котел отопления. Наверху, чтобы не ждать, пока нагреются батареи, он включил кондиционеры на обогрев, щелкнул кнопкой телевизора и, смахнув легкую пыль со стола, принялся выставлять свои запасы.

Вскоре стол был уставлен мясными нарезками, пластиковыми контейнерами с готовыми салатами. Помыв огурцы с помидорами и зелень, Карен поместил их в найденную на кухне пластмассовую миску. Оттуда же он прихватил стакан для коньяка и вернулся в большую комнату. Подключив к телевизору DVD-плеер, погадал, что сначала поставить – боевик или эротику, и выбрал первое. Вот теперь всё было готово. Он залег на дно, и по этому поводу можно выпить.

Когда Новак, а вслед за ним Рубцов покинули кабинет, Вика уставилась на дверь, гадая, что происходит в последнее время. Такое впечатление, что текущей работой никто не занимается. Ей остается только почту смотреть, на звонки отвечать да кофе варить. Оганян, который прежде чаще всего давал ей задания, изображает из себя больного. Рубцов носится с места на место, и вид у него... нехороший какой-то вид. Еще когда Новак был в кабинете, а шеф вышел и давал здесь инструкции водителю, Вику так и подмывало рассказать ему про утреннюю встречу с Оганяном, но вспомнив, как шеф огрызнулся на нее в пятницу, она решила не соваться к

нему с откровениями. А вот позвонить Карену и сказать, что его Рубцов ищет, – это можно. Вика спокойно заварила себе кофе, отхлебнула с удовольствием и взяла в руки мобильник.

Ее звонок застал беглеца со стаканом в руке. Заглотив солнечный напиток, чтобы не ставить на стол – примета плохая, Карен взглянул на имя абонента и нажал на кнопку ответа. Бутылка перед ним была уже на две трети пуста, и настроение улучшалось пропорционально понижению уровня жидкости.

– Алло, Викуля, – радостно прокричал он в трубку. – Что, соскучилась по мне?

– Это не я по вам соскучилась.

– Еще красавицы есть, кроме тебя? – игриво хохотнул подвыпивший депутат.

– Сергей Александрович по вам соскучились, – в тон ему ответила Вика.

Карен стряхнул хмель (он умел сосредоточиться в случае необходимости, даже если был пьян) и после небольшой паузы спросил уже другим тоном:

– Я видел, что он звонил. Чего ему надо? Ты ему говорила, что утром видела меня?

– А он не спрашивал. Зато поручил водителю вас найти.

– Что за срочность?

– Понятия не имею. Сегодня Новак приехал, они с Рубцовым часа два наедине заседали, а потом водителя послали вас искать.

– Послали? Оба? – уточнил Карен.

– Нет, с водителем разговаривал Сергей Александрович, а Новак после этого почти сразу уехал.

– Назад, домой?

– Не знаю. А потом и Рубцов испарился, сейчас вообще никого. Вот я и решила вас проинформировать.

– Умница Викуля, спасибо тебе. Пока.

Отключив телефон, Карен положил его на стол и задумался. Появление Новака было для него неожиданностью, притом очень неприятной. Вот уж не ожидал он, что Сергей решится подтянуть губеровских. Это в корне меняет весь расклад. Если Новак действительно приехал по его душу, то не лучше ли поменять тактику и пойти на поклон к Рубцову?

Налив полстакана, он выпил и продолжал размышлять. А может, и не по его душу приехал Новак... Дурак, что ли, Сергей, чтоб так подставляться? А если всё-таки?... Придется отдавать деньги... При мысли об этом он со злостью стукнул кулаком по столу, так, что стакан звякнул о бутылку, а один из лотков с салатом свалился на пол.

Карен помнил суммы за каждый «проблемный» участок, и ведь как ловко всё устраивалось: львиная доля оседала у него, в администрации города и не подозревали, что он не делится с областными.

«Конечно, деньги собрать можно и вернуть, но ведь выпрут, отовсюду выпрут, да еще и обдерут! – Жадность душила Карена, сжимая горло мертвой хваткой. – Да еще эти два разбойника, как с ними быть? Стас – человек опасный... Ну да ладно, в крайнем случае ему можно деньги не возвращать, участок на Зеленой он получит. Если Рубцов откажется – пусть отправляется в отпуск, я сам бумаги подпишу. Сергей ведь должен понимать, что это не шуточки...»

Зазвонил телефон. Карен вздрогнул, кинул взгляд на экран и не стал отвечать.

«Калина. Сам звонит. Нельзя с ним говорить, пока не разберусь... Как-нибудь надо с ним краями разойтись... Что бы такое придумать? Может, оплатить стрелку по нормальной для таких услуг таксе? Вроде как подписал Рубцов – спасибо, получите. Пусть даже документы и не подписаны – Калине-то какая печаль?»

Страх отступил, мозг просчитывал разные варианты. Единственное, чего точно не избежать, – придется расстаться с деньгами. Эта мысль жгла Карена изнутри, выворачивая наизнанку. Допив стоявший перед ним коньяк из горлышка, он открыл следующую бутылку.

Алкоголь не брал, сказывалось нервное напряжение, и чтобы снять его, он пил еще и еще, почти не закусывая.

Вторая бутылка и духота в доме наконец сделали свое дело, Оганян расслабился, и его стало клонить в сон. Последнее, что он додумался сделать, – это выключить кондиционеры, чтобы не задохнуться окончательно. Совершив сей разумный поступок, Карен рухнул на диван и тут же отключился.

На часах было начало девятого.

Саша нашел Страшилу там, где и предполагал: в кофейне неподалеку от здания городского собрания. Она сидела за столиком с каким-то жуликоватого вида типом и что-то бурно обсуждала. Не желая прерывать их беседу, он жестом привлек Танино внимание и устроился через один столик от нее. По-видимому, разговор не был важным, потому что совсем скоро Таня переместилась к Саше и заказала кофе, хотя только что выпила чашку с прежним собеседником.

«И куда в нее столько влезают?» – гадал Саня, расплачиваясь за два кофе.

Было похоже, что депутатка куда-то торопится, поскольку, едва поздоровавшись, она с места в карьер начала:

– Ты чего хотел-то?

Саша тоже не собирался с ней расслаиваться и ходить вокруг да около не стал:

– Ты не в курсе, что с нашим Оганяном стряслось?

– А у него что-то случилось? С чего ты взял?

– Да так... – Сашка вдруг вспомнил данное Карену обещание и уже раскаивался, что позвонил Тане, но привычка сплетничать всё-таки перевесила:

– Вот буквально с полчаса назад мы встретились, и мне показалось, будто он не в себе.

Таня насторожилась, как ищейка, почуявшая запах дичи.

– А подробнее, что с ним не так? Впрочем, я-то догадываюсь... – для виду Таня сделала всезнающее лицо. – А ты сам? Что-то видел, знаешь?

Ей, по большому счету, проблемы коллеги были параллельны, но жажда посплетничать и любопытство подталкивали вывести всё, что возможно.

– Да ничего я не видел, просто он у меня ключи от дома попросил, – проболтался Саша.

– Ах так! Точно. Ведь поговаривали, что он от жены ушел, – на ходу сочинила Страшила.

Сообразив, что оба ничего толком не знают, Таня и Саша потеряли интерес к личности Карена и, наскоро обсудив еще несколько сплетен, разошлись по своим делам.

Калина специально отфутболил по телефону Оганяна, чтобы тот малость понервничал и созрел для серьезного разговора. Выдержав достаточную паузу, ближе к вечеру он сам набрал его номер, намереваясь пригласить к себе для беседы. Авторитет считал, что пришло время выяснить, кто банкует в этой теме с участием. Однако депутат не ответил на звонок, вторая попытка через десять минут тоже оказалась пустой.

«Тут что-то не так», – подумал Калина. По его расчетам, Карен сейчас должен был мандражировать, глаз с телефона не сводить, ожидать его звонка.

«Вот козел! Нажрался он, что ли?» – раздраженно отбросил трубку авторитет.

Впрочем, это вряд ли. Колобок всегда градус держал, он и в анабиозе был способен четко соображать и решать вопросы, тем более свои.

Юрий Петрович занервничал, он терпеть не мог, когда события развивались не по его сценарию. Что ж получается: он уже не контролирует ситуацию и зависит от того, хочет ли с ним разговаривать Карен? Такой расклад вора совсем не устраивал.

– Разворачивай! Едем в клуб! – приказал он водителю.

Машина резко затормозила и, развернувшись через две сплошных, вновь рванула вперед.

Калина всерьез разозлился и решил, что когда найдет Карена, разговор с ним будет очень жестким.

Они подъехали к клубу в самый час пик. У входа, под переливающейся разноцветным неоном вывеской, толпились желающие попасть внутрь. Двое крепких парней с безучастными лицами проверяли входящих металлоискателями. Торопясь, Юрий Петрович не стал заезжать с соседней улицы. Выйдя из машины, он быстрым шагом прошел к центральному входу. Охранники отгеснили толпу, парни с металлоискателями вытянулись по струнке.

В зале грохотала ритмичная музыка, но усиленный микрофоном голос диджея умудрялся ее перекрывать. Парень в наушниках подзадоривал дергающуюся на танцполе молодежь: мол, давайте, зажигайте, повеселее! По сторонам широкого пульта на двух небольших подиумах у шестов извивались весьма условно одетые размалеванные под вампиров девицы. На балконах между столиками сновали официанты, разнося напитки тем, кто решил отдохнуть от танцев. Поколдовав над своим пультом, диджей сделал ритм еще более агрессивным, толпа взвыла и задержалась с новой страстью...

Морщась от безумной музыки, а еще больше злясь на то, что пришлось вернуться, Юрий Петрович пересек зал и оказался в подсобных помещениях клуба. Он прошел в директорский кабинет. Здесь было потише, но буханье басов ощущалось ногами, через пол. Буквально через пару минут в кабинет подтянулись несколько бойцов, обеспокоенных появлением хозяина в неурочное время.

Калина оглядел их тяжелым взглядом и сообщил:

– Надо найти Оганяна. Кто-нибудь знает, где он живет?

– Я знаю, – откликнулся один из парней. – На западе, в новом районе.

– Хорошо, Рома. Возьми двух ребят, и дуйте к нему на хату. Если что – я на трубе, –

Калина поморщился, как от зубной боли. – Музыку потише нельзя? Бухает прямо по мозгам...

Один из парней дернулся было к двери, но Калина его остановил:

– Хрен с ней, с музыкой, – и вопросительно взглянул на Рому: – Ну, чего стоим, кого ждем?

Рома кивнул двум парням, и вместе они покинули кабинет. Калина поднялся, постоял в задумчивости и тоже вышел, бросив у дверей своему водителю:

– В бильярдную.

Посланники Калины быстро выяснили, что квартира Карена пуста. Скучающий консьерж-охранник охотно поведал им о том, что поутру депутат вначале загрузил в подъехавшую машину свою супругу, а сам уехал на собственной, буквально сразу вслед за ней.

Рома тут же связался по мобильнику с хозяином и сообщил, что Оганян, похоже, свалил и жену куда-то с котулями отправил.

Это известие оказалось для Калины полной неожиданностью. Как свалил, куда, почему? Да еще жену сплавил. А ведь на Карена даже еще не нажимали, он только собирался...

Немного поразмыслив, авторитет пришел к выводу, что далеко депутат уехать не мог: вопрос-то ему надо решать, значит, он в городе, только прячется. Знать бы, с какой целью? Похоже, что товарищ Оганян затеял какую-то нездоровую игру, а самое гадкое, что и его, Калину, надумал в нее втянуть. Тем более необходимо срочно найти и тряхнуть этого борова, надо хоть представление иметь, какую подлянку он подстроил...

Найдя в телефоне номер своего юриста, Калина нажал на вызов:

– Алё, Лёва, ты где?

– Ужинаю, Юрий Петрович, а что стряслось?

– Типун тебе на язык! Пока ничего не стряслось. Подъезжай давай, потом пожрешь! И свяжись с этой твоей, Пугалой, или как ее?

– Страшилой... – хохотнул Лёва в трубку.

– Мне по барабану! Звони ей, пусть выяснит, где Карен засел. Срочно!

Лёва удивленно уставился на умолкший телефон. Похоже, что-то серьезное всё-таки случилось, если Калина так орет. Обычно вор говорил вполголоса и как-то объяснил, что такая манера заставляет прислушиваться, ловить каждое слово. После, когда по телику в очередной раз «Крестного отца» показывали, Лёва обратил внимание, что дон Корлеоне тоже будто нарочно еле слышно говорил.

Набирая телефон Тани-Страшилы, Лёва подумал, что разговор с ней нужно вести осторожно, не то сплетница разнесет по всему городу, что Оганяна ищут. Кроме Страшилы Лёве обратиться было не к кому, а хозяин никогда не отдавал приказа таким тоном. Значит, найти Оганяна для него действительно важно.

Похоже, Таня тусовалась в каком-то клубе или ресторане, ее голос перекрывала громкая музыка. Лёва закричал в трубку, чтобы она услышала:

– Татьяна, привет! Ты чего не звонишь? Я ведь помню, за мной должок, так отдать хочу. Ты где?

– Ой, Лёва, мы тут на крестинах... – она сказала несколько слов в сторону, явно не ему, и Лёва понял, что депутатка веселится вовсю. – Лёвчик, мне не горит. Давай завтра с тобой созвонимся.

Опасаясь, что сейчас она отключится, Лёва лихорадочно соображал, как зацепить Таню и вывести на интересующую его фигуру.

– Ты знаешь, мы должны сегодня пересечься с Кареном. Может, я через него передам?

Предложение не показалось Страшиле необычным и не вызвало никакого подозрения. Она иной раз проворачивала де-лишки с Оганяном, отношения у них были достаточно близкие.

– Только он что-то задерживается, – продолжал врать парень. – У вас там, на крестинах, его нет?

Лёва забросил удочку наугад, зная, что местные депутаты все друг другу кумовья, и оказался прав. Таня, что называется, заглотила наживку.

– Сама удивляюсь, что он не пришел. Вообще-то не удивительно... Я слышала, что у него в семье проблемы, – Таня искренне забыла, что передает собственную придуманную сплетню, – он даже дома не живет!

«Опаньки! – мелькнуло у Лёвы в голове. – Вот и попалась рыбка!»

– А ты откуда знаешь?

Таня, гордившаяся тем, что всегда и про всех всё знает, даже оскорбилась:

– Да уж знаю! Мне сегодня Саня-бегунок сказал по секрету, что дал ему ключи от своего дома. Он его еще не достроил, но когда достроит, крутой будет домишко...

Такой удачи Лёва не ожидал и чуть не подпрыгнул от радости. Ему удалось разузнать, что требовал шеф.

Но Саня, Саня... Кто такой этот Саня? Пропуская мимо ушей болтовню Страшилы, Лёва перебирал в памяти общих знакомых, решив, что если не вспомнит, придется у нее всё-таки спросить. И тут его осенило. Саня-бегунок! Такой проныра, сводник... У Лёвы даже его городской телефон где-то был записан.

Больше Таня ему была не нужна, поэтому, еще немного послушав о домике Сани в новом коттеджном поселке, Лёва закруглил разговор.

Когда раздался звонок в дверь, Саша ужинал на кухне и автоматически посмотрел на часы, недоумевая, кто явился так поздно. Он слышал, как жена пошла открывать, заклацали замки, потом она вскрикнула, что-то в прихожей загрохотало...

Саша даже не успел сообразить ничего, как в кухне возникли два габаритных мордово-рота в кожаных куртках и черных масках с прорезью для глаз. За ними в проеме двери маячил третий – чуть поменьше и тоже в маске.

– Нина! – отчего-то взвизгнул Сашка. – Нина, ты где? – будто жена могла спасти его от бандитов.

– Отдыхает твоя Нина.

Тот, что стоял позади, сделал шаг вперед, быки посторонились. Через стол он наклонился к самому Шашиному лицу и процедил сквозь маску:

– Адрес твоего домика подскажи...

– К-к-какого д-домика? – заикаясь, пролепетал Саня.

– Который ты в поселке строишь, баран!

«Это всё Карен, – дошло до Саши. – Вот и делай людям добро! Да чтоб он сквозь землю провалился!»

Он быстро назвал бандитам адрес и замер, мысленно молясь, чтобы они ничего ему не сделали.

– Короче, хочешь еще землю потоптать – молчи. И никаких звонков, никому!

Саня рьяно закивал головой.

Бандиты исчезли так же молниеносно, как и появились. Только сквозняк от незакрытой двери подтверждал, что этот кошмар не был сном.

Выждав минуту, Саша поднялся из-за стола и с опаской выглянул в прихожую. Нина сидела у дверей, держась за челюсть. Она пыталась встать, но у нее всё не получалось. Саня подошел, вначале захлопнул дверь, а после помог жене подняться.

– Кто это был, Саша? Кто они? – еле ворочая языком, спросила жена.

Оглянувшись на дверь, он проговорил как можно спокойнее:

– Да, блин... Адресом ошиблись!

В середине ночи к коттеджному поселку, где нашел временное пристанище Карен, подъехали два черных джипа. Выключив свет и оставив только подфарники, они остановились у третьего с краю дома. Возле некоторых из строящихся домов горели фонари, хотя в такую ночь освещения и не требовалось. На темном и чистом, усыпанном мерцающими звездами небе повисла полная луна, заливая всё вокруг своим мертвенным светом.

Стараясь не производить лишнего шума, из джипов вышли четверо. Первым был Рома, возглавлявший посланную Калиной команду. Не открывая рта, красноречивым жестом он послал двоих бойцов зайти за дом с тыла. Сам же, легко перемахнув через невысокую сетку забора, направился к стоявшему во дворе джипу депутата. Потрогав капот, определил, что машина стоит здесь давно. Затем, указывая подошедшему парню на колеса, сделал резкое движение рукой. Парень понимающе кивнул и, достав из кармана складной нож, быстро и ловко проколол передние и задние шины.

Дом стоял тихий, свет в окнах не горел.

– Похоже, спит депутатишка, – шепнул своему напарнику Рома, и через минуту они вместе поднялись на крыльцо.

Рома осторожно нажал на ручку двери, потом отошел чуть-чуть и прошептал:

– Посмотри, сумеешь справиться?

Напарник склонился, внимательно осмотрел запор двери.

– Дерьмо вопрос. Замок для начинающих, – сказал он, доставая из кармана несколько тихо звякнувших на кольцо отмычек.

Через несколько секунд дверь легонько скрипнула, и незванные гости осторожно вступили в дом, освещенный только заглянувшей в голые окна луной. Почти весь первый этаж представлял собой просторный холл-гостиную, поэтому Рома сразу заметил человека, безмятежно спавшего на диване. В гулкой пустоте нового дома явственно раздавался его равномерный храп.

- Да его пушкой не разбудишь, – хихикнул тот, что вскрывал дверь.
- Тихо! – шикнул на него Рома. – Смотри, как бы он тебя пушкой не усыпил.
- Откуда у фраера пушка?
- Как говорил Горбатый, береженного бог бережет!

Достав из кармана строительную стяжку, Рома приблизился к дивану и резко навалился на спящего, хватая за руки и затягивая на них пластиковый хомут. Карен спросонок крикнул и дернулся, пытаясь сбросить его с себя, но тут второй бандит коленом придавил депутату горло и одновременно заткнул ему рот широкой и жесткой ладонью. Карен моментально затих, понимая, что одно лишнее движение – и ему просто сломают шею. Он лишь слегка поскуливал, пока рот затыкали кляпом и надевали импровизированные наручники.

- Ну вот и всё, – отряхнул руки Рома. – Зови ребят, и тащите его в машину.
- Жаль, шеф запретил подпалить эту халупу, – вздохнул взломщик, выходя из дома.

Через несколько минут два черных джипа миновали ухабистую недостроенную дорогу и выехали на трассу.

Стас не верил в случайности и шутил, что любая случайность есть результат чьей-то тщательно подготовленной операции. «Случайно» он поручил Олегу следить за Рубцовым, «случайно» ребята довели его до ресторана, где тот встречался с Калиной, «случайно» выяснилось, что разговор шел о земельных участках... И это как раз в тот момент, когда Рубцов, всегда не глядя подписывавший согласованные комиссией документы, «случайно» не подписал участок с лесопарком... Именно тот участок, который так интересовал друзей Стасова.

Слишком подозрительная цепь случайностей. Почему рядом с Рубцовым возник Калина? Вор пытается вклиниться в его бизнес? Или уже вклинился, прихватив на чём-то депутата? Выяснить это можно, только потрянув Рубцова. При этом очень нежелательно светить своих, чтобы потом не иметь проблем с командой губернатора. По уму, стоило бы подтянуть людей со стороны...

Вариантов для этого имелось немало. Благодаря обширным связям Стас имел возможность попросить помощи даже из-за бугра, вот только время поджимало. Операцию необходимо было провести как можно скорее, желательно вчера. На кону стояла репутация, которую Стас ценил дороже всего, поэтому он всё-таки решил поручить это дело Копылову, человеку доверенному и имеющему самый разнообразный опыт. В былые времена Олегу доводилось похищать объект чуть ли не из зала суда, и он ни разу не прокололся. Его помощник и боевой товарищ был хорош и в ближнем бою, и в операциях, требующих тщательной тактической подготовки.

Приняв решение, Стасов вызвал к себе Олега. Вскоре тот явился, как всегда весь в черном, свежий и подтянутый.

- Что там по Рубцову, есть какие-то подвижки, что-то новое? – поинтересовался Стас, поздоровавшись с Копыловым за руку.
- Нет. Депутат живет в обычном режиме: дом – работа. Ребята его постоянно ведут.
- Что ты думаешь предпринимать?

Олега удивил вопрос командира. Обычно Стасов никому не доверял думать. Решения принимал он сам, и они не обсуждались. Его указания следовало выполнять, ни на йоту не отступая от разработанного им плана.

Стас ждал ответа, и Копылов полувопросительно сказал:

– Может, тряхнуть его аккуратно?

– Есть план?

– Его легко можно снять с маршрута в тихом месте. Охраны у депутата не имеется, на своем автомобиле ездит сам, казенной машиной с водителем пользуется редко.

– Как думаешь, он вас не срисовал?

– Уверен, что нет.

– Хорошо... Куда вы его повезете?

– На завод, как обычно.

Некоторое время назад Стас прикупил под склад два отдельно стоящих цеха завода, на котором когда-то работал Рубцов. Пока они пустовали и идеально подходили для подобных тайных операций, но сейчас Стасов покачал головой. Место, конечно, хорошее, но оно знакомо депутату по прежней работе.

– Не годится. Рубцов может знать завод как свои пять пальцев: поймет, где находится, и после легко вычислит хозяина цеха. А я не хочу, чтобы он прежде времени понял, с кем имеет дело.

– Может, банально в лес его отвезти?

– Закапывать еще рано, – одним уголком рта улыбнулся Стас. – Вот что: допроси его в машине, и сработайте под бластных. Пусть думает, что Калина кому-то из своих дорогу перешел.

– Понятно. Я могу идти?

– Иди, только машину, на которой поедете, прежде мне покажи.

– Есть! – вытянулся Олег, по-военному развернулся и четким шагом вышел из комнаты.

В команде Стаса Копылов держался особняком, не принимал участия в субботних стрельбах – он тренировался в других местах и с другими людьми. Возглавляемое им боевое крыло никогда не пересекалось с охранниками своего настоящего хозяина. Этих ребят Олег набрал из бывших бойцов различных силовых структур, проводил с ними тренировки в отдаленных местах или в тех же заброшенных корпусах завода. Члены группы были в отличной форме и всегда готовы провести спецоперацию. Своим единственным командиром они считали Олега и только от него получали приказы.

Рубцова взяли в лучших традициях спецслужб. Стекла фургона были наглухо затонированы, один ряд сидений отсутствовал. Подхватив оглушенного пленного, его пихнули в фургон и бросили на пол, накинув ему на голову черный полотняный мешок и сковав руки за спиной. Рубцов был без сознания.

Едва дверца фургона захлопнулась, машина рванула с места. За рулем сидел Олег. Проехав несколько кварталов, он завернул во двор выселенного дома, который присмотрел заранее. Там он остановился и, не выходя из машины, перелез назад. Приказав бойцам усадить Рубцова на пол, он достал из кармана пузырек с нашатырем, отвинтил пробку и, отогнув край мешка, сунул пузырек под нос пленнику. Тот судорожно выгнулся, затем чихнул и затряс головой. Когда Копылов убедился, что сидящий на полу человек окончательно пришел в себя, он жестом приказал ребятам покинуть машину и начал допрос.

– Эй, поц, ты меня хорошо слышишь? – чтобы взбодрить пленного, он носком армейского ботинка довольно чувствительно ударил его по бедру.

– Да, – в надтреснутом голосе, прозвучавшем из-под мешка, слышался нескрываемый ужас.

Насмерть перепуганный Сергей уже мысленно попрощался с жизнью, и единственное, чего он хотел сейчас – это чтобы всё закончилось быстро и без мучений. Но тут последовал второй удар ботинком, еще сильнее, и прозвучал тот же голос с нотками металла:

– Первый вопрос: имя и фамилия!

На мгновение пленник даже обрадовался: может, это ошибка, если они не знают, кого схватили?

– Рубцов, Сергей Александрович. Я депутат городского собрания...

– Депутат – лицо неприкосновенное! – прозвучало сверху с явной издевкой. – Но мы рискнем и прикоснемся, если базара не получится.

– Чего вы хотите?

– Вопросы кое-какие выяснить. Слушок прошел, что один наш кореш тему замутил, только пока не пойдем, какую. А ты вроде как должен быть при делах.

Судя по манере речи, получалось, что он попал к блатным, но почему, Сергей не мог сообразить. Поэтому проблеял из-под мешка:

– Я ничего не понимаю...

– Ща поймешь! Чё за дела у тебя с Калиной?

– Нет у меня с ним дел, мы встречались всего один раз...

– Не гони пургу! – последовал еще один удар ботинком. – Чего Калине надо от тебя?

– Он требует, чтобы я подписал документы на участок.

– Лесопарк на Зеленой?

Пленник молчал, поэтому его поторопили ударом ботинка, теперь под ребра.

– Да... – простонал Рубцов.

Сергей застонал не только от боли, но и от досады. Что за проклятое место этот лесопарк! Убить Карена мало... Жирный ублюдок, втянул его в такое дерьмо, что теперь и не выбраться.

– Ну и чего, когда подпишешь?

– Не могу я подписать! – Рубцов решил, что в данной ситуации ему нечего терять, зато рассказав всё как есть, он может и вывернуться. Пусть на Карена стрелки переводят, это он заварил кашу. – Документы у Оганяна. Я совсем недавно и совершенно случайно узнал, что это за участок. Оганян уже больше года действовал за моей спиной, а его заказчик, скорее всего, Калина.

Решив до конца разыграть роль несведущего блатного, Олег поинтересовался небрежно:

– Этот армянин, он по жизни кто вообще?

– Тоже депутат, Оганян Карен Суменович. Вместе со мной состоит членом комиссии по градостроительству.

Копылов выключил диктофон и пару минут сидел, обдумывая полученную информацию. В принципе, всё было ясно, но следовало уточнить, достаточно ли полученных сведений командиру.

Выскочив из фургона, он кивнул бойцам, чтоб присмотрели за пленным, а сам отошел в сторонку и набрал номер Стаса. Когда командир отозвался, он предложил ему послушать запись и приложил к трубке диктофон. Когда запись кончилась, Стасов приказал Олегу гнать депутата в шею, поблагодарить ребят и срочно явиться к нему.

Рубцова вытолкнули из машины в одном из переулков безлюдной окраины, среди заброшенных старых бараков. Стягивающие запястья браслеты сняли в последний момент. Когда стих звук отъехавшей машины, Сергей сдернул с головы мешок и огляделся. Место было ему знакомо, когда-то здесь жили рабочие завода.

Он пошарил по карманам. Всё было на месте: ключи, документы, телефон и даже деньги.

Как сумел, депутат отряхнул одежду и, прихрамывая на ногу, по которой бил бандит, направился в сторону людных улиц, где надеялся поймать машину.

Надежно спрятав фургон, Олег отпустил своих ребят и на собственной машине поехал к командиру.

Стас ожидал его в комнате для переговоров. Он сидел за столом, перед ним на гладкой поверхности лежал сложенный вчетверо листок бумаги. Стас задумчиво покручивал его пальцем.

Войдя, Олег молча положил перед Стасовым диктофон и уселся напротив. Хозяин перестал играть бумажкой и толкнул ее через стол. Поймав, Олег развернул листок, прочитал и, удивленно вскинув брови, посмотрел на Стаса. В записке было всего два пункта:

- «1. Карен не заносит деньги Рубцову, работает на свой карман.
 2. Рубцов не собирается подписывать бумаги, потому что его использовали втемную».
- Это то, что я в пятницу набросал, сразу после звонка Карена.

Олег удивленно покачал головой:

– Вы прямо телепат, Владимир Иванович. Как будем действовать?

– Отгадай с трех раз, – с кривой ухмылкой процедил Стас.

– Берем за задницу толстого?

– Возьмем, когда найдем. Я звонил ему несколько раз, абонент вне доступа. Если Карен не дурак, то на дно залег на время.

– Вот гад!

– Сейчас нужно выяснить, где документы. Если не найдем, придется подготовить дубликат. Но это не твоя работа, завтра я позвоню специалистам, они займутся. А ты со своими бойцами пока ищи толстяка. Хоть землю рой, но эту тварь мне найди! Нутром чую, Калина в эту тему вписался неспроста: скорее всего, Оганян его и подтянул. Если это подтвердится, он у меня ответит по полной! Да, вот еще: ты землю, конечно, рой, но аккуратно. Перед блатными без необходимости старайся не светиться.

От Стаса Олег вышел в приподнятом настроении. Успешно выполнив задание, он был доволен собой, а полученный приказ его прямо воодушевил. Последние годы прошли относительно спокойно, ему давно уже не приходилось на практике применять свои навыки. Новое задание обещало размять мышцы и разогнать застоявшуюся в покое кровь.

Доковыляв до проезжей улицы, Сергей поймал частника и доехал до стоянки горсобрания. Расплатившись с шофером, он, хромая, подошел к «Гелендвагену», открыл дверь и, опустившись на водительское сиденье, сразу достал из кармана телефон.

Только тут он понял, что бандиты его выключили. Едва экран засветился, как аппарат запиликал эсэмэсками о пропущенных звонках. Среди них пять было от Новака. Сергей заскрипел зубами от злости. Его чуть не убили, а вице-губернатор о сауне беспокоится!

– Хрен тебе, а не сауну! Козел! Все козлы! – бесился Рубцов, отбрасывая телефон.

Что же делать? Как выпутываться? По сравнению с похищением и последовавшим за ним силовым допросом разборки с областным начальством представлялись уже детской игрой. Ну лишится он места в думе, лишится части денег – разве это можно сравнить с тем, что способны сотворить бандиты? Сергей понимал, что продолжение может последовать в любой момент, и нигде в этой стране он не будет чувствовать себя в безопасности.

– ... твою мать! – ударил он кулаком по рулю.

Представив, в какой унижительной позе валялся с мешком на голове, вспомнив угрозы Калины, Сергей вдруг подумал о жене и буквально похолодел от одной мысли, что бандиты могли и до нее добраться. Дрожащей рукой он поднял телефон и набрал ее номер. Света ответила совершенно спокойным голосом. Он облегченно выдохнул и, стараясь скрыть волнение, проговорил в трубку:

– Как дела, родная? Ты дома?

– Дома. Ты сегодня не удержишься?

– Нет, скоро буду, уже еду.

Сергей немного посидел, собираясь с силами, затем завел мотор и тронул машину с места. Боль в ноге постепенно отпускала, зато голова пухла от мыслей, метавшихся в поисках выхода из ситуации.

Еще сегодня утром он волновался о своей карьере, а теперь речь идет уже о физической безопасности, о жизни его и Светы – единственного близкого человека. Он попал меж двух, а то и трех огней – черт знает, сколько группировок интересуются этой землей... Зачем им понадобился какой-то паршивый клочок, покрытый чахлыми деревцами? Такое впечатление, что там нефть нашли или месторождение алмазов. Несколько банд затеяли войну из-за несчастного участка, а он оказался крайним... Сергей боялся даже представить, какая участь ему уготована в этой битве.

Светлана устроилась со своим ноутбуком на кухне, работая над очередной статьей и попутно следя за плитой, на которой готовился ужин. Когда Сергей вошел, она оглянулась и замерла. В глазах застыл немой вопрос. Один только вид мужа – измятый и грязный костюм, всклокоченные волосы, осунувшееся и какое-то потерянное лицо – без слов сказал Светлане, что случилось нечто из ряда вон. И всё-таки она ни о чём не спросила. Просто поднялась с места, чмокнула в щеку, помогла раздеться и проводила в душ. И только после, когда Сергей вышел и прилег на диван в халате, присела рядом и попросила объяснить, что произошло. И он, стараясь не упустить ни одной подробности, рассказал ей всё.

По глазам Светланы он видел, что она напугана, но решил не смягчать краски. Сергей сделал это осознанно. В его голове уже созрел план: Света должна срочно уехать к сыну в Лондон, на данный момент это казалось самым главным. Именно поэтому, не щадя ее, боясь, что откажется, он подробно описал сцену с блатными и добавил, что Калина тоже шантажировал его, упоминал о семье.

– Ты должна уехать, родная, и времени терять нельзя. Благо, английские визы у нас с тобой еще не просрочены. Я приеду буквально через несколько дней, как только разберусь с финансовыми вопросами. Ты ведь понимаешь, надо как-то перевести деньги на зарубежные счета...

В глазах Светланы стояли слезы, сердце ее сжималось от жалости к мужу. Он остается, рискует ради их будущего благополучия. Работа, ее и его карьеры – всё отошло на второй план. Главное – сохранить хоть часть состояния, остаться вместе и живыми. Света понимала, что сейчас ничем не может ему помочь, Сергей принял единственно верное решение. Она лишь старалась поддержать его лаской, заговорила о том, что надо искать хорошее в любой ситуации: зато скоро они опять будут рядом со своим сыном.

Они поужинали, потом долго пили чай, говоря о заграничном будущем как о деле давно решенном, не вспоминая ни Карена, ни Калину, ни Новака... Светлана держалась молодцом, и хотя в душе кипели слезы, она не давала им воли, боясь расстроить Сергея еще больше. Она прекрасно понимала, что мужу сейчас намного тяжелее, чем ей.

Было уже за полночь, когда Света отправилась собирать вещи, а Рубцов направился в свой кабинет, включил компьютер и через Интернет заказал билет на семичасовой рейс «Аэрофлота» до Москвы.

В течение дня Игорь Яковлевич провел встречу с мэром, побеседовал с руководителями нескольких отделов администрации города. Блился вечер, он ждал от Рубцова сообщения о подготовленной сауне, но тот всё не звонил. Раздраженный нерасторопностью проштрафившегося депутата, Новак набрал городской номер его кабинета. Трубку там не брали. Позвонил на мобильный – Рубцов не ответил. Выждав немного, попробовал еще раз, еще и еще – тот

же результат. Дозвонившись до помощницы депутата, он выяснил, что тот вышел почти сразу после него и с тех пор не появлялся.

Положив трубку, вице-губернатор выругался вслух. Поведение Рубцова выглядело странным и нелогичным. Сейчас Сергей должен из кожи вон лезть, желая загладить вину, угодить своему шефу, а он будто нарочно усугубляет.

«Тварь неблагодарная! Забыл, кому обязан своим положением? Ну ничего, он у меня ответит: так спрошу, что мало не покажется! Полетит из депутатов... На его место желающих пруд пруди, будут не только бабки исправно отстегивать, но и зад лизать. Завтра же с ним разберусь, только вот не хочется сегодняшний вечер терять, коли уже настроился на сауну».

Новак расположился в кабинете одного из замов местного мэра, приказав тому на время переместиться в приемную. Вызвав хозяина кабинета, Игорь Яковлевич сообщил, что вечер собирается провести в сауне, с толком. Последние слова он выделил, и чиновник намек понял. Как и в других городах области, в местной администрации имелись секретарши и сотрудницы, которые помимо своих прямых обязанностей исполняли роль дежурных жриц любви, оказывая интимные услуги местным руководителям в течение рабочего дня или сопровождая в сауну приезжих гостей.

Регулярно навещая местные администрации, вице-губернатор не забывал пользоваться подобным «сервисом» и не находил в этом ничего предосудительного. Так повелось еще со времен его комсомольской юности. Тогда, практически каждую пятницу, закончив очередной показательный разбор аморального поведения комсомольцев, борцы за нравственную чистоту партийных рядов отправлялись в сауну выпить вдоволь и оттянуться с раскованными молодыми комсомолками. Оргии сопровождалась демонстрацией запрещенной порнографии. Подогретая кадрами из видеомэгнитофона молодежь, не стесняясь, менялась партнерами, практиковали групповой секс. Потом снова пили и цинично провозглашали тосты за трезвость, коммунистическую мораль и светлое будущее. Эти мероприятия в горьком комсомола называли «работой с молодежью».

Идя вверх по карьерной лестнице, бывшие комсомольцы не отказывались от старых привычек. В областной администрации даже имелся специальный помощник по работе с персоналом, занимающийся приемом на работу только девушек. Кроме профессиональных качеств оценивались фигура и внешность, и на работу брали только тех, кто успешно сдал «экзамен» в сауне.

Заместитель мэра пригласил в кабинет нескольких сотрудниц администрации, но вице-губернатор всех их забраковал.

– Что-то у вас контингент не меняется, – недовольно проворчал Новак. – Помоложе и посимпатичнее никого не найдется?

Озабоченный заместитель мэра бросился к другим заместителям и сообщил, что Новаку захотелось «свежего мяса». Повздыхав и почертыхавшись на привередливого областного чинушу, мужики решили скинуться на девочек со стороны.

В СПА-центре, где заказывали сауну, могли предоставить и интимные услуги, на любой вкус и кошелек. Сообщив, что развлечение требуется не кому-нибудь, а самому Новаку, вице-мэр заказал самых дорогих проституток, которыми считались студентки местного универа, охотно продающие свое юное тело, пока не него имелся спрос. Всё это были девушки с модельной внешностью и прекрасной фигурой. Конечно, они работали не от себя. Весь панельный бизнес в городе контролировала группировка Калины, и вору практически сразу стало известно о дорогом заказе и необычных заказчиках.

Раньше чиновники предпочитали развратничать в своем кругу, проституток не приглашали, поэтому после недолгих размышлений Калина вызвал заказанных девочек на инструктаж. Он приказал им как можно лучше ублажить дорогого гостя из области, проследить, чтобы нагрузился как следует, и снять фото, а лучше видео будущей оргии. Для этого девицам было

выдано по мобильнику и обещано, что за работу корреспондентами они получают премию. Отправив их трудиться, Юрий Петрович мысленно потирал руки. Бесплатно полученный жесткий компромат на представителей власти открывал перед ним новые возможности.

Проститутки прибыли на место, когда чиновники уже порядком выпили и их веселые голоса были слышны даже за стенами сауны. Посидев раз в парилке, после они подогревались в основном напитками и ради высокого гостя затеяли соревнование, с дикими воплями по очереди прыгая в бассейн. Сам Новак тоже порядком окосел, что было не в его правилах. Обычно он пил дозированно и контролировал ситуацию, но сегодня в компании не было никого из высших чиновников, а помощников местного мэра он за людей не считал, поэтому и позволил себе расслабиться.

Появившимся девицам Новак приказал раздеться. Пьяные мужики кинулись им помогать, слышались взвизгивания и одобрительный хохот. Когда голых проституток выставили перед ним в шеренгу, Игорь Яковлевич окинул каждую мутным взглядом и, одобрительно кивнув, протянул вперед руку с оттопыренным большим пальцем. Устроители развлечения расслабились, их подарок пришелся по душе руководству. Девиц усадили за стол, налили выпить, в ход пошли сальные шуточки. Пока ни один из мужиков проституток не трогал: ждали, кого выберет вице-губернатор. Новак некоторое время сидел молча, переводя осоловелый взгляд с одной на другую, затем хлопнул рюмку, молча ткнул пальцем в сторону двух «телок», тяжело поднялся с места и, слегка качаясь, удалился в комнату для массажа. Там имелся низкий лежак, но он предпочел взгромоздиться на высокий массажный стол. Одна из проституток скинула простыню, в которую была обернута, и полезла вслед за ним. Вторая пока осталась наблюдать и незаметно вытащила из-под простыни телефон.

Уже через несколько часов Калина с хохотом просматривал довольно удачное видео, соображая, как его использовать при сложившемся раскладе.

Как обычно, Новак проснулся ровно в шесть – сработал «внутренний будильник». Даже если вечер и ночь предыдущего дня выдавались нелегкими, даже если выпил лишнего, Новак всегда просыпался в одно и то же время и был готов встать в строй. «Болесть» он позволял себе только с особого разрешения руководства, чтобы это не шло вразрез с общими интересами.

Утро началось с контрастного душа. Новак, покрывая, перемежал почти кипяток со струями ледяной воды. Выйдя из ванной, он залпом выпил стакан заранее растворенного «Алка-Зельтцера», тщательно оделся и поглядел на себя в зеркало. Отражение вполне его удовлетворило. Затем он по телефону заказал в номер завтрак. Для крупного чиновника из области нашлись суточные кислые щи. Вылебав тарелку реанимирующего супа и выпив чашку крепкого кофе, Новак ощутил, что готов к работе.

Для начала он еще пару раз попытался дозвониться до Рубцова, а когда не удалось, отправился в городское собрание и занял место в его кабинете, предупредив помощницу депутата, что пождет его здесь.

Усевшись за стол Сергея, Игорь Яковлевич стал прикидывать, с какой стороны взяться за решение проблемы. Его озадачило исчезновение Рубцова, но главная неприятность состояла в том, что поиски Оганяна так и не увенчались успехом. Рубцов никуда не денется, его он потрясет и позже, а вот Оганяна хотелось бы увидеть побыстрее, пока тот не спрятал деньги. Вряд ли он хранит их в чемодане, скорее всего, они вложены в доходную недвижимость и бизнес, что еще и лучше: переоформить документы на имущество проще, чем возиться с наличкой. Только вот куда пропал этот аферист Карен, и куда исчез Сергей Рубцов?

Игорь Яковлевич попросил у Вики номер телефона начальника УВД города. Он лично содействовал назначению этого человека на должность и был уверен, что тот всегда поможет. Новак не собирался посвящать мента в свои планы, понимая, что лишний человек в цепочке –

это необходимость делиться, а деньги, которые стрясет с Оганяна и Рубцова, Новак уже считал своими. Собственно, не много и требовалось от представителя органов: отследить, где находятся интересующие его телефоны. Наверняка у милиции имеются средства вычислить координаты аппарата и, следовательно, его владельца.

«Оганяна дома нет, может, и Сергей решил слить от ответственности? Ничего, найдем», – думал Новак, набирая номер телефона начальника УВД. Тот воспринял звонок заместителя губернатора с радостью, а просьбу, якобы частную, воспринял как приказ и заверил, что буквально через полчаса придет к нему подходящего человека из управления. В ожидании Игорь Яковлевич попросил помощницу Рубцова приготовить ему кофе. Попивая из чашки, он вновь вчитывался в список, полученный накануне от Сергея, и мысленно подсчитывал суммы своей грядущей прибыли.

Явившийся вскоре сотрудник УВД представился майором милиции Иваном Семеновичем Бородиным. Новак записал его контакты и, не вдаваясь в подробности, передал бумажку с номерами двух телефонов, напомнив о соблюдении строгой секретности операции по определению координат их владельцев.

Когда милиционер вышел, Игорь Яковлевич откинулся в кресле и с удовольствием, до хруста в костях, потянулся.

«Хорошо вчера отдохнул. Блондинка была очень и очень... изобретательная. И броне-точка вполне на уровне. Какие кадры на местах выросли!» – он с удовольствием перебирал вчерашние впечатления, и в памяти вдруг промелькнул телефон в чьей-то руке. Разгребая слои хмельного морока, он восстановил еще одну картинку: блондинка, уступая место брюнетке, берет у нее аппарат...

Сердце похолодело. Правда или привиделось?... Но он никогда не страдал галлюцинациями. Выходит, его развлечения снимали?..

Лоб внезапно покрылся испариной, как вчера в бане. Дышать стало трудно, и Новак автоматически расслабил узел галстука. Он чувствовал себя как рыба на крючке, которую вытаскивали из воды...

В голове, мешаясь с яростью, теснились панические мысли. «Допрыгался... Теперь у этих проституток имеется на меня компромат. Сами надумали снять? Чего ради? Ведь не на память... Могут в Интернет выложить, как молодежь выкладывает всё подряд. С-суки! Найти, изъять!»

Рука потянулась к телефону, вызвать заместителя мэра, и замерла, так и не дотронувшись до трубки.

А если проститутки не по собственной инициативе снимали, и поручил им именно вице-мэр?... Вдруг он тоже действовал по указке и это часть какой-то большой игры, конечная цель которой – свалить его и губернатора? Хотя причем тут губернатор, это не его голая задница и всё остальное на этих снимках или записи...

Представив, что будет, когда эта история дойдет до губернатора, Новак вскочил с места, подбежал к графину на столе для заседаний и залпом выпил целый стакан воды. Затем стал нервно мерить ногами кабинет, продолжая соображать, как изъять запись.

Ведь не факт, что она еще не выложена никуда, и не факт, что проститутки действовали по указке заместителя мэра. В какой большой игре может принимать участие эта мелкота? Зам вообще вначале предложил взять в сауну своих сотрудниц, и вряд ли у мужика тесные связи с местными проститутками...

Новак вернулся на место, облокотился на стол и стиснул внезапно заболевшую голову руками.

Если проститутки не сами это надумали – да что там, конечно, не сами! – и не заместитель мэра, тогда кто?... Журналисты, любители жареных фактов и сенсаций?... Эти могут. В поисках дешевой славы они землю будут рыть, кого хочешь подкупят, лишь бы раздобыть информа-

цию, порочащую представителей власти... Местная газета или одна из областных? Вряд ли. Не посмеют. Ни один главный редактор не решится рубить сук, на котором сидит, – все они его ставленники. Но теперь ведь такая свобода информации, такие средства связи, что любой журналист, да и не журналист, может тиснуть статейку в центральную прессу, да еще фотографии скабрезными снабдить. Там с радостью ухватятся, потом в Интернете растиражируют, а там и до телевидения дойдет, и тогда... Тогда придется в отставку подавать.

Представив, что лишится влияния и власти, лишится многих источников своих доходов, включая маячащие впереди огромные суммы от здешних афер Оганяна и Рубцова, Игорь Яковлевич заскрежетал зубами. И вдруг в голову пришло: «Рубцов! Конечно, он-то всё и подстроил! Не обеспечив сауну, свалив куда-то, он мог предполагать, что я от развлечения не откажусь. Скорее всего, в СПА-центре у него свои люди, и узнав, что заказали проститутток, Рубцов... Найти гада! Срочно!»

Быстрыми шагами Новак вылетел в приемную. Вика, увидев вице-губернатора, даже испугалась: он был бледный и какой-то всклокоченный, лицо перекошено от злости, галстук набок.

– Срочно найти мне Рубцова! Водителя на дом пошлите, всех его родственников проверьте. Автовокзалы, аэропорт – всё, но найдите мне его!

Оставив помощницу депутата с разинутым ртом, Новак вернулся в кабинет и включил компьютер на столе. Он плохо разбирался в этой технике и понятия не имел, где выкладывают порочащие людей фото и видео.

Новак не знал, что страх, забравшийся в душу, никуда теперь не денется. Каждое утро он будет включать компьютер, научиться разбираться в новостных лентах и сообщениях социальных сетей, будет искать злополучные фото или видео, свою фамилию в заголовках и облегченно вздыхать, не найдя на этот раз.

Люди Калины привезли Оганяна в заброшенный ангар на окраине ближе к рассвету.

На исходе советской власти в этой части города начали строить вагоностроительный завод. Поначалу за строительство взялись рьяно, и в горбачевские времена большинство цехов были практически готовы, но к 1991 году всё заглохло. Сейчас территория завода напоминала кадры из голливудских фильмов о техногенных катастрофах. Перекрытия цехов местами обрушились, в страшноватых лабиринтах хаотично валялись бетонные обломки с торчащими из них прутьями арматуры; оборудование, которое успели завезти и установить, ржавело в полуразвалившихся зданиях, где гулял ветер. В середине девяностых по территории шныряли сборщики металла, растаскивая всё, что возможно снять и увезти. Потом заброшенный завод на время облюбовали поклонники пейнтбола. Напоминанием об их забавах остались разноцветные кляксы, в обилии украшающие обветшалые стены.

Однако не одним спортсменам приглянулась заброшенная стройка вдали от центра города. Бандитские группировки тоже посчитали глухое место весьма удобным для себя. Они частенько забивали здесь стрелки, и порой дело доходило до крутых разборок. Пейнтболисты, наткнувшись несколько раз на кое-как припрятанные трупы, предпочли сменить место тренировок и переместились на площадку пусть менее удобную, но не обещающую неприятных сюрпризов. В городе заброшенная стройка пользовалась дурной славой, матери настрого приказывали мальчишкам не совать туда нос, даже бомжи опасались появляться в зловещих развалинах.

Два черных джипа подъехали к заброшенному объекту со стороны леса и, проехав мимо зияющего провалами окон трехэтажного здания из силикатного кирпича, остановились возле ангара под ребристой крышей, на первый взгляд довольно хорошо сохранившегося.

Карена вытолкнули из машины, по приказу Романа двое парней подхватили его под локти и поволокли в ангар; еще двое шагали за ними. Последним, предварительно оглядевшись, вошел Рома.

Внутри через весь ангар пролегали рельсы, на которых застряла тяжелая вагонетка. Вокруг валялись какие-то чугунные болванки, бочки, более мелкий хлам. Создавалось впечатление, что именно сюда сборщики металла стаскивали всё, что нашли, но не успели вывезти. Под крышей ангара, практически целой, тянулись металлические фермы; ближе к воротам громоздилась конструкция, с которой свисала толстая железная цепь, заканчивающаяся крюком.

Пластиковый хомут, стягивающий руки Карена, зацепили за этот крюк, и Роман лично, орудуя ручной лебедкой, позаботился о том, чтобы ноги подвешенного едва касались пыльного бетонного пола. Пленник был вынужден держаться на цыпочках, иначе ребристый пластик больно впивался в запястья. Карен старался не шевелиться, понимая, что если рассердит захватчиков, то в любую секунду может оказаться в воздухе. Перед тем, как подвесить, кляп у него изо рта выдернули, заменив его скотчем, который противно стягивал кожу.

Карен уже успел сообразить, в чьи руки попал, многих из людей Калины он знал в лицо, Романа и еще двух парней не раз видел в ночном клубе. Подвесив пленника, бойцы будто забыли о нем, лишь один пристроился рядом с лебедкой и не спускал с Карена глаз. Остальные слонялись по ангару, пиная ногами валявшийся на полу мусор. Тот, что специализировался на взломе дверей, попытался сдвинуть с места вагонетку, но у него ничего не вышло. Рома присел на колченогую табуретку неподалеку от входа и, достав телефон, углубился в какую-то игру. Было ясно, что они ожидают приезда старшего.

Оганян продолжал висеть, едва касаясь кончиками ног пола. Несмотря на прохладную ночь, он покраснел от напряжения, пот струился со лба, а в голове металась панические мысли.

От приезда Калины Карен ничего хорошего не ждал, хотя не совсем понимал, что такого страшного он сделал. Ну не рассказал всей правды про тот чертов участок – так вроде бы даже по воровским понятиям это не смертельно. Ну каким образом они докажут, что он подставил Калину умышленно? Да никто об этом знать не может, нет свидетелей! Пытаясь успокоить себя такими мыслями, Оганян сознавал в глубине души, что никаких доказательств блатным и не требуется. Достаточно малейшего подозрения, что их разводят, – и ты уже виновен! А расправы с виновником они устраивают жестокие, чтоб другим неповадно было.

При мысли о возможных пытках к горлу подступила тошнота, и Карен чуть не захлебнулся, ведь губы были стянуты скотчем. Он несколько раз сглотнул, заталкивая внутрь вчерашнюю выпивку и закуску. Это ему удалось, но во рту осталась противная горечь. Так прошло около получаса, ожидание уже представлялось Карену страшнее грядущей расправы. От стояния на цыпочках ноги начало сводить судорогой, но как только он опускался на всю стопу, хомут впивался в запястья так, что казалось, вот-вот лопнут сухожилия.

Он думал о том, что недолго так выдержит, когда снаружи послышался шум подъезжающих автомобилей. Кто-то из бойцов кинулся пошире распахнуть ворота, и вскоре в полосе неяркого утреннего света показался Калина в сопровождении двух охранников.

Юрий Петрович выглядел довольным. Его команда сработала быстро и четко: клиента нашли и упаковали. Авторитет сразу направился к подвешенному на крюке депутату: очень уж не терпелось посмотреть на него.

В глазах Оганяна плескался ужас.

– Скотч сними, – приказал Юрий Петрович Роме.

Тот одним резким движением сдернул липкую ленту с лица пленника. От боли Карен взвыл и почти сразу заканючил:

– Юра! Что происходит? Я не понимаю, Юра...

– Хайло завали, – грубо оборвал его вор. – Отвечать будешь, когда спросят. Снимите его пока, – приказал он своим людям.

Двое здоровенных парней приподняли толстяка и сняли с крюка, будто он был тряпичной куклой. Пленник безвольно плюхнулся на подставленный табурет, всё еще не в силах опустить затекшие руки. При этом он не сводил с Калины преданных и заискивающих глаз. Авторитет медленно приблизился к Карену и спросил ядовито-ласковым голосом:

– Ты что ж это, Колобок, сдернуть от нас решил?.. На хате не живешь, телефон не берешь...

– Да что ты, Юра, какое «сдернуть»? Я просто на время съехал, чтобы Рубцов не доставал. Решил переждать, пока ты с ним не закончишь.

– Складно лепишь, – вор усмехнулся. – Ну, а трубу-то чего не брал?

– Я не слышал, ей-богу, я спал!

Калина переглянулся с Ромой. Тот отрицательно покачал головой. Он успел проверить телефон депутата и видел, что после не отвеченных звонков Калины Карен принимал другие звонки и звонил сам.

Авторитет взглянул на депутата с видимым сожалением, отошел в сторону и кивнул своим ребятам.

Двое быков подхватили пленника, подняли на ноги, и тут же Рома отработанным боксерским движением с силой ударил его в живот, вначале кулаком одной руки, затем второй. Оганян дважды коротко вскрикнул, ноги его подкосились, и он повис на руках у парней. Некоторое время они держали его, а затем, как по команде, отпустили, и он рухнул на бетонный пол, заваливаясь на бок. Рома подскочил и принялся пинать упавшего ногами в живот. Один из быков пристроился с другой стороны, нанося удары по почкам. Судя по веселому оскалу парней, такой «футбол» доставлял обоим огромное удовольствие. Хриплые вопли избиваемого гулким эхом разносились по пустому ангару. Калина некоторое время с невозмутимым лицом наблюдал за экзекуцией, пока не посчитал, что на данный момент достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.